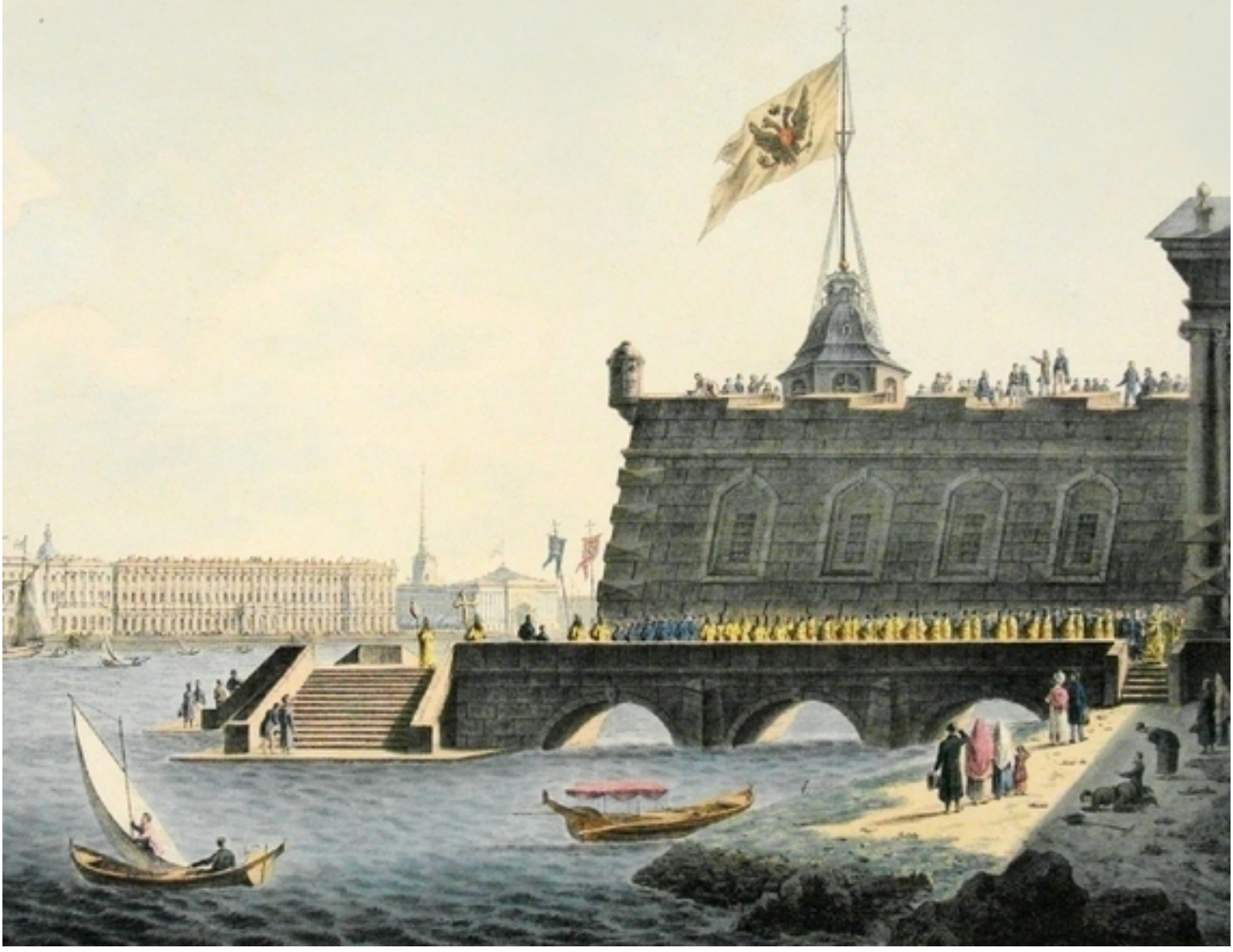
Былой Петербург

МЯТЕЖ РЕФОРМАТОРОВ

Заговор осужденных



Былой Петербург

Яков Гордин

Мятеж реформаторов. Заговор осужденных

ИЦ «Пушкинского фонда»
2016

УДК 008
ББК 63.3(2)4

Гордин Я. А.

Мятеж реформаторов. Заговор осужденных /
Я. А. Гордин — ИЦ «Пушкинского фонда», 2016 — (Былой Петербург)

ISBN 978-5-9907582-6-1

«Заговор осужденных» продолжает цикл книг Якова Гордина «Мятеж реформаторов», посвященных движению декабристов. Декабризм, как явление активное, не кончился ни расстрелом боевых порядков мятежников на Сенатской площади, ни разгромом восставшего Черниговского пехотного полка. Не кончился он и приговором Верховного уголовного суда, отправившего пятерых на виселицу, а 121-го осужденного – в крепости и Сибирь. Именно сибирская эпопея декабристов – эпилог десятилетней истории движения, существования нескольких тайных обществ и двух мятежей: петербургского и южного – основной предмет повествования. И центральные события этого периода – история подготовки неукротимым поручиком Сухиновым мятежа каторжан, который в случае удачи – что было вполне вероятно – мог вылиться в страшную сибирскую пугачевщину, и история разработки планов массового побега узников Читинского острога. Автор предлагает читателю органичное сочетание двух пластов – художественного текста и чистого документа, которое призвано создать особую, наиболее достоверную картину описываемой реальности. В книгу вошли повесть «После восстания», дополненная документальными материалами, фрагменты воспоминаний М. А. Бестужева, И. И. Пущина, М. Н. Волконской, сочинение сына С. Г. Волконского Михаила, родившегося в Сибири, сочетающее в себе сведения, почерпнутые из рассказов родителей, и собственные наблюдения, а также материалы следственной комиссии, рапорты и многочисленные сопутствующие документы.

УДК 008
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-9907582-6-1

© Гордин Я. А., 2016
© ИЦ «Пушкинского фонда», 2016

Содержание

От автора 7
Часть первая. Разгром. Хроника в документах 8
Мятеж 14 декабря 1825 года 8
Мятеж черниговского пехотного полка. 29 декабря 1825 года – 3 января 1826 года 13
Из послесловия кн. М. С. Волконского к запискам его отца 33
Часть вторая. После восстания 35
Глава первая 35
1 35
2 35
3 38
4 42
5 46
6 48
7 49
8 50
9 50
10 51
11 52
12 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Яков Гордин
Мятеж реформаторов.
Заговор осужденных

© Гордин Я. А., 2016
© Всероссийский музей А. С. Пушкина, иллюстрации, 2016
© ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2016
® Издательство «Пушкинского фонда»

* * *

От автора

Декабризм – это трагическая история сотен очень разных людей. Разный социальный статус – от нищих дворян-однодворцев до выходцев из круга высшей аристократии, от прапорщиков до генералов, от пылких молодых энтузиастов, воспитанных на героических преданиях, до умудренных кровавым опытом ветеранов наполеоновских войн. Разница человеческих черт, разница мотиваций, которые привели их в тайные общества.

И при этом – декабризм явление цельное, ибо всех одушевляла истинная любовь к Отечеству, а лидеров – острое понимание порочности пути, выбранного империей, преданность которой они подтвердили пролитой кровью.

Но декабризм как явление активное не кончился ни расстрелом боевых порядков мятежников на Сенатской площади, ни разгромом восставшего Черниговского пехотного полка. Не кончился он и приговором Верховного уголовного суда, отправившего пятерых на виселицу, а 121-го осужденного в крепости и Сибирь.

И третья часть «Мятежа реформаторов» – «Заговор осужденных» (сибирская эпопея членов тайных обществ) – органично входит в общий сюжет.

«Заговор осужденных» – это история подготовки неукротимым поручиком Сухиновым мятежа каторжан, который в случае удачи – что было вполне вероятно – мог вылиться в страшную сибирскую пугачевщину, и история разработки планов массового побега узников Читинского острога. В основе повествования – материалы сибирских архивов.

Структура книги необычна. Читателю предлагается сочетание двух пластов – художественного текста и чистого документа.

Сочетание этих двух пластов призвано создать особую, наиболее достоверную картину реальности. Так, например, судьба поручика Сухинова периода черниговского мятежа отражена в двух зеркалах – в материалах следствия и в рассказе самого Сухинова, сохраненном его товарищем бароном Соловьевым, черниговским офицером и сухиновским соузником. Столкновение художественного текста, основанного на свидетельстве Сухинова, и материалов следствия, далеко не всегда совпадающих с рассказом героя, производит особый эффект, дающий возможность читателю задуматься над тем, что же такое историческая достоверность и насколько многомерна может быть воспроизводимая сочетанием документа и личного свидетельства реальность.

Сибирская эпопея декабристов – эпилог десятилетней истории движения, существования нескольких тайных обществ и двух мятежей: петербургского и южного. Этому развернутому эпилогу предпослан чисто документальный пролог, что соответствует структурному замыслу книги. Описание событий 14 декабря в столице военным министром А. И. Татищевым, комплекс рапортов и сопутствующих документов, представляющих драматическую картину восстания Черниговского полка, описание следствия и суда М. С. Волконским приводят читателя к истокам основного сюжета. Как увидит читатель, сам художественный пласт книги пронизан документами, являющимися сюжетным костяком.

Принципиальную роль играет и приложение – воспоминания героев и своеобразное сочинение сына С. Г. Волконского Михаила, родившегося в Сибири, сочетающее в себе сведения, почерпнутые из рассказов родителей и собственные наблюдения.

Таким образом, особая структура книги становится законченной и цельной.

Неоценимую помощь в работе с материалами сибирских архивов автору оказали историки-архивисты Валентина Прокофьевна Павлова и Анна Львовна Вайнштейн.

Часть первая. Разгром. Хроника в документах *29 декабря 1825 года – 3 января 1826 года* Рапорты. Донесения. Следственные и судебные дела

Мятеж 14 декабря 1825 года

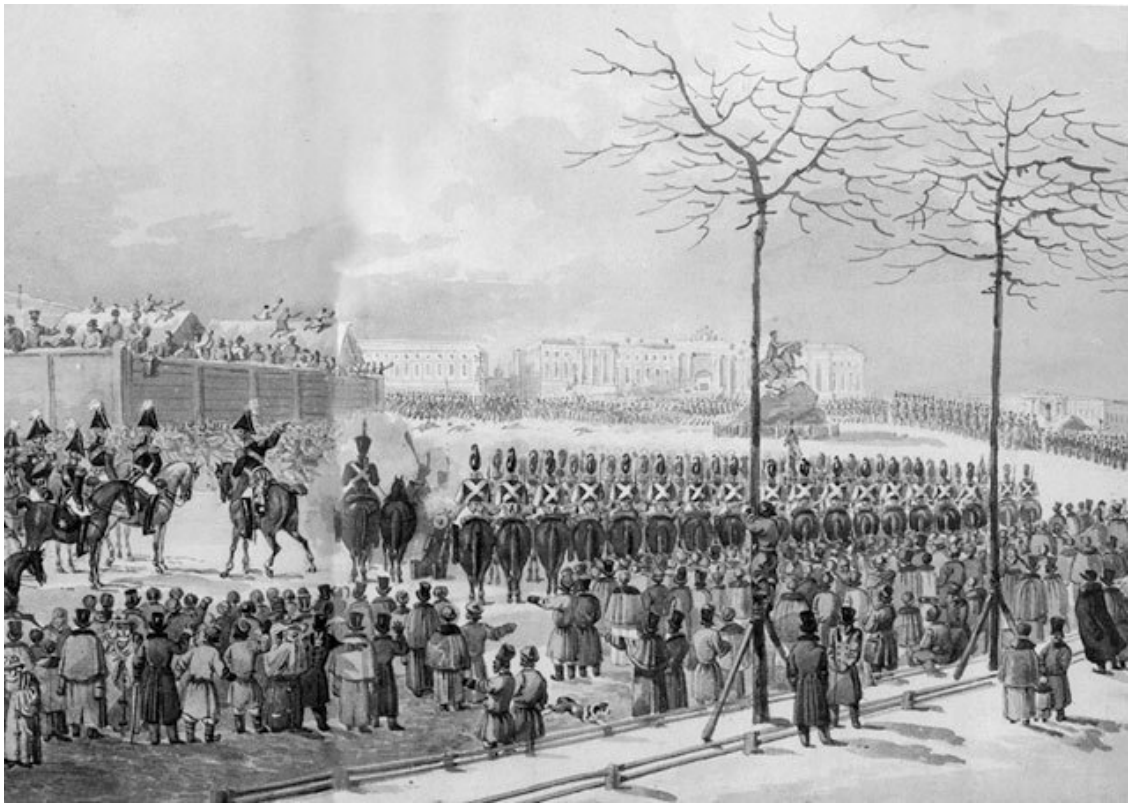
Господину Главнокомандующему 2-ю армиею

По высочайшему государя императора повелению имею честь препроводить при сем к Вашему сиятельству для объявления по вверенным Вам войскам подробное описание происшествия, случившегося в здешней столице 14 числа сего месяца.

Военный министр Татищев

Декабря 14-го поутру государь император извещен был начальником штаба Гвардейского корпуса, что несколько рот лейб-гвардии Московского полка отказались от должной его величеству присяги и, завлеченные буйством своих капитанов, овладевши знаменами, принесенными к полку для присяги, – изранили своего бригадного командира генерал-майора Шеншина и полкового командира генерал-майора Фредерикса, что толпа сия в величайшем неистовстве взяла направление к Исаакиевской площади, увлекая силою встречающихся офицеров, но другая часть полка осталась покорная и в порядке. Государь император, дав повеление: генерал-майору Нейдгарту велеть лейб-гвардии Семеновскому полку немедленно идти унять бунтующих, а Конной гвардии – быть готовой по востребованию, сам изволил сойти на дворцовую главную гауптвахту, где караул был от лейб-гвардии Финляндского полка, и приказал им зарядить ружья и занять главные ворота дворца. Между тем доходили до государя императора сведения, что роты бунтовавшие были 5-я и 6-я Московского полка, что они уже вошли на площадь против Сената и что при них находится толпа разных людей в самом буйственном виде. Государь император изволил приказать тогда же первому баталиону лейб-гвардии Преображенского полка немедленно прийти к его величеству на Дворцовую площадь, что им и исполнено в неимоверной скорости, – тогда же прибыл к государю императору военный генерал-губернатор Милорадович с известием, что толпа произносит крик и восклицания «ура, Константин!» и что он полагает, что сие иное не может быть как предлог к самым пагубным намерениям, для которых нужно без отлагательства взять строжайшие меры. Тогда послано от его величества повеление прибыть 3-м ротам лейб-гвардии Павловского полка, свободным от караула, и лейб-гвардии Саперному баталиону, которому занять Зимний дворец, а третьему баталиону лейб-гвардии Преображенского полка и Кавалергардскому полку прибыть немедленно к его величеству. Между тем сам государь император с первым баталионом Преображенского полка пошел навстречу бунтующим, дабы предупредить всякое покушение на дворец, в коем изволили находиться их императорские величества государыни императрицы и прочие члены императорской фамилии, прибыв против дома княгини Лобановой, государь император услышал выстрелы, и тогда же донесено его императорскому величеству, что военный генерал-губернатор граф Милорадович ранен смертельно бунтовщиками; в то же время прибыл к государю императору Конногвардейский полк и вслед за ним три роты лейб-гвардии Павловского полка, вскоре потом его высочество Михаил Павлович привел баталион лейб-гвардии Московского полка, который с большим усердием просил позволения смыть кровиею бунтующих срам и бесчестье

мундиру своему нанесенное, но государь император, не желая проливать крови, предпочел меры кротости и увещения, но ни уважения его величества, ни присутствие митрополита, ни угрозы не могли склонить их к сдаче. Напротив того буйство приметно возрастало, и к шайке прибыли разные толпы лейб-гвардии Гренадерского полка солдат с тремя офицерами и знаменем оного и тогда же начали стрелять из среды шайки. По сему решено было его величеством прибегнуть к мерам строгости, тем необходимейшим, что чернь, подкупаемая деньгами и подносимым вином, начинала приставать к бунтующим, а потому приняты государем императором следующие меры. Приказав лейб-гвардии Преображенскому полку занять площадь спиною к Адмиралтейству, лейб-гвардии Семеновскому улицу, ведущую к манежу Конно-гвардейского полка, улицу и переулок, ведущий от Галерной к провиантским магазинам, лейб-гвардии Измайловскому и Егерскому полкам стать в резерве, Финляндскому одному баталиону занять Исаакиевский мост, велел и артиллерии 1-й артиллерийской бригады быть готовой к действию; Павловского же полка три роты заняли Галерную улицу. Прежде однако ж, нежели приступить к последним мерам строгости, государь император изволил повелеть лейб-гвардии Конному и Кавалергардскому полкам сделать покушение устрашить бунтовщиков атакою, весьма трудною, впрочем, по тесному месту и выгодному расположению мятежной шайки, усиленной уже большею частию баталиона Гвардейского экипажа; но и сия мера не имела желаемого успеха, мятежники стояли твердо и, пользуясь выгодою своего места, продолжали неистовство, тогда его величество решился с душевным прискорбием вывести против мятежной толпы четыре орудия, приказав зарядить картечью, послав в последний раз им сказать, чтоб они предались милости государя императора, но, получив решительный отказ, повелел начать стрельбу. По второму выстрелу шайка рассыпалась.



Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Акварель К. И. Кольмана. 1830-е гг.

Направляя на Юг подробное описание подавленного мятежа в столице, военный министр хорошо представлял себе, куда и кому он пишет.

Еще 12 декабря в Петербург пришло из Таганрога, где недавно умер император Александр, обширное письмо начальника Главного штаба генерал-адьютанта Ивана Ивановича Дибича, в котором были суммированы три подробных доноса на тайные общества – как Южное, так и Северное.

Перед самой своей кончиной император приказал начать активное расследование и аресты. Смерть Александра спутала карты и заговорщикам, и тем, кто должен был их подавить.

14 декабря в Тульчине был арестован Пестель и начались аресты других заговорщиков.

И Татищев, и оба главнокомандующих уже знали, что 1-я и 2-я армии охвачены сильной и разветвленной тайной организацией.

И хотя Татищев ни словом не обмолвился об открытом на Юге заговоре, ясно, что послание его было предупреждением. И главнокомандующие понимали, что действовать нужно, с одной стороны, быстро и решительно, с другой стороны – осторожно, чтобы не вызвать яростного противодействия.

Приведенная здесь копия письма генерала от инфантерии Александра Иановича Татищева не датирована. Но ясно, что написано это послание было сразу после событий, когда в Петербурге еще не знали о мятеже Черниговского полка, который начался 29 декабря 1825 года и был разгромлен 3 января 1826 года.

Письмо это адресовано генералу от инфантерии Петру Христиановичу Витгенштейну, главнокомандующему 2-й армией, расположенной на Украине. Такое же письмо было, соответственно, послано главнокомандующему 1-й армией генералу от инфантерии Фабиану Вильгельмовичу Остен-Сакену, чья Главная квартира располагалась в Могилеве.

Южное тайное общество возникло в марте 1821 года – как и Северное тайное общество – после роспуска умеренного Союза благоденствия. Разочарованные в своих надеждах мирным путем воздействовать на правительственный курс, который они считали гибельным для России и чреватым новой пугачевщиной, наиболее радикальные члены Союза благоденствия сделали ставку на вооруженный переворот – военную революцию.

Членами Южного общества, чьим основателем и идеологом был полковник Павел Иванович Пестель, стали несколько полковых командиров и командующий бригадой генерал-майор Сергей Григорьевич Волконский. Все они были ветеранами наполеоновских войн. Было немало и офицеров в меньших чинах. А летом 1825 года к Южному обществу примкнуло Общество соединенных славян. Пятьдесят два молодых офицера в небольших чинах, мечтавших о свободе для всего славянского мира и настроенных чрезвычайно решительно.

Полки, возглавляемые членами тайного общества, были разбросаны по обширной территории Украины, Белоруссии и Молдавии. Лидеры общества считали, что они контролируют около семидесяти тысяч штыков и сабель. Для рационализации управления были учреждены три управы – Тульчинская во главе с Пестелем (в Тульчине располагался штаб 2-й армии), Васильковская – главная фигура подполковник Сергей Муравьев-Апостол (в городке Василькове находился штаб Черниговекого пехотного полка, в котором Муравьев-Апостол командовал батальоном), и Каменская, где первую роль играл генерал-майор князь Волконский (имение Каменка принадлежало отставному полковнику Василию Львовичу Давыдову, кузену Дениса Давыдова и Ермолова, там члены тайного общества собирались на совещания).

Структура, однако, была не слишком эффективна. Именно разбросанность частей, на которые рассчитывали заговорщики, затрудняла активное слаженное действие. Поэтому

восстание должно было, по замыслу лидеров Южного общества, начаться во время одного из смотров в присутствии императора.

Императора планировалось убить, генералитет – арестовать. Дальнейшие действия не были подробно проработаны. Привести в исполнение свой замысел лидеры тайного общества намерены были в 1826 году.

Самым нетерпеливым и жаждущим действия был подполковник Сергей Иванович Муравьев-Апостол.

И это было известно не только его соратникам. Он вел себя вызывающе. Сестра княгини Екатерины Трубецкой, жены будущего «диктатора» 14 декабря, вспоминала в своих мемуарах, как в доме Трубецких в Киеве, – полковник лейб-гвардии Преображенского полка князь Сергей Петрович Трубецкой служил тогда дежурным штаб-офицером 4-го корпуса, – подполковник Муравьев-Апостол при гостях во всеуслышание рассуждал о планах переустройства России на республиканских принципах. Княгиня Трубецкая отозвала его в сторону и сказала: «Ради бога, подумайте, что вы делаете, вы и всех нас погубите, и свои головы положите на эшафот». При этом надо иметь в виду, что Екатерина Трубецкая, быть может единственная из жен заговорщиков, знала об участии своего мужа в тайном обществе. Ее пугала сама манера поведения неукротимого подполковника. Сергей Иванович ответил: «Неужели вы думаете, княгиня, что мы не делаем все, что нужно, чтобы обеспечить успех наших замыслов?»

Он был уверен в успехе. Недаром он говорил, что в профиль похож на Наполеона… В десятой главе «Евгения Онегина» есть такой фрагмент:

Там Пестель… для тиранов
И рать… набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

Можно только поражаться осведомленнсети Пушкина. «Холоднокровный генерал» – это князь Волконский. На следствии один из лидеров Южного общества полковник Василий Львович Давыдов показал, что в обществе были недовольны «хладнокровием» Волконского: «Надо Волконским двигать кому-нибудь, чтобы сделать его способным». Таким человеком был именно Муравьев-Апостол. Его активность смущала даже его соратников.

Это было зафиксированно в материалах следствия:

«В начале декабря 1825-го, когда получено уже известие о кончине блаженной памяти Государя, Давыдов, увидевшись с Пестелем у Волконского, просил послать за Матвеем Муравьевым, чтобы он удержал брата своего Сергея от безвременного начала возмутительных действий, ибо все они опасались его решительности».

«Минуты вспышки торопил…»

И если Пестель дал арестовать себя, как и другие заговорщики, то именно Муравьев-Апостол выполнил решение лидеров тайного общества, сообщенное Давыдовым: «Если бы верховные члены Вент (то есть Управ. – *Я. Г.*) были схвачены, то подготовленные начальники войск должны были немедленно возбудить полки и начать возмущение, не ожидая повеления».

Его поведение было резким контрастом поведению всех остальных лидеров, которых смерть Александра и возможность ареста застала врасплох.

Мятеж Черниговского полка, таким образом, не был случайностью, ситуационной вспышкой. Это был осколок обширного плана. Но – осколок. А отдаленность друг от друга полков, на которых рассчитывали заговорщики, сыграла роковую роль в судьбе мятежа.

Надо иметь в виду и оперативные действия военного командования. Так 17-й егерский полк, стоявший в Белой Церкви, – ближайшая часть, на которую рассчитывал Муравьев-Апостол, – был стремительно передислоцирован до подхода к Белой Церкви черниговцев, а посланный туда энергичный член тайного общества, офицер этого полка подпоручик Александр Вадковский, был перехвачен по пути и арестован.

Мятеж черниговского пехотного полка. 29 декабря 1825 года – 3 января 1826 года

Всеподданнейший рапорт волынского гражданского губернатора от 31 декабря 1825 г.

Его императорскому величеству.

Волынского гражданского губернатора

Всеподданнейший рапорт.

В сию минуту получен рапорт к командиру 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту Роту, от бригадного командира генерал-майора Тихановского, 30-м числом декабря, из Белой Церкви, которым доносит следующее:

В Черниговском пехотном полку, квартирующем Киевской губернии в г. Василькове, служит подполковник Муравьев-Апостол. Командир полка Гебель имел приказание арестовать Муравьева; когда приступил к исполнению данного ему повеления, получил от того же Муравьева причиненную рану, и по совершении такового поступка Муравьев воззвал соучастников своих намерений к открытому бунту.

Пять рот тотчас с ним соединились и принимались к учинению какой-то присяги; Муравьев зараз освободил всех арестантов, в числе которых были уже и некоторые офицеры его шайки. Полагается, что збунтовавшиеся имели следовать или в Белую Церковь для вовлечения в свой заговор полк, там квартирующий, а еще более для забора казны графини Браницкой, или же обратятся на Житомир для захвачения корпусного штабу, губернской казны, арестантов и для грабежа. Генерал-майор Тихановский успел поймать офицера Черниговского пехотного полка Ватковского, доверенного приятеля Муравьева, прибывшего в Белую Церковь для подущения на свою сторону военных, там квартирующих. Ватковский сей, будучи уже доставленным под караулом в Житомир, на допросе сознал, что такой же злой дух есть во многих полках и что число заговорщиков есть важно. О настоящих намерениях бунтовщиков ничего говорить не хочет. На вопрос о лицах – о принадлежности одних сознается, а о других возражает, но сам собою никого не открывает.

Такие суть достоверные сведения, до сего времени сюда дошедшие. Корпусный командир генерал-лейтенант Рот прошедшею ночью выехал по тем полкам, о коих добром духе сомневается, дабы принять полезные предварительные меры. В отсутствие его собравшись: генерал-майор командующий артиллерией 3-го пехотного корпуса Богуславский, начальник корпусного штаба генерал-майор князь Горчаков и я, сделали распоряжение, чтобы тотчас ввесть в город: 1-е, баталион Тамбовского полку, в карауле здесь находящийся, расквартированный по селениям. 2-е, собрать не только гарнизонные роты, в городе находящиеся, но привесть прочие и из селений. 3-е, удвоить караулы при арестантах как гражданских, так и военных. 4-е, иметь в готовности губернскую казну к вывозу к г. Дубно. 5-е, жандармов, как военных, так и гарнизонных, расставить в известных дистанциях города по всем трактам, и 6-е, земскую полицию выслать по тракту к Василькову для узнания с верностию, в которую сторону бунтовщики направились.

Кроме того, начальник корпусного штаба принял свои меры, чтобы ближайшие полки и артиллерийские роты в готовности были к исполнению приказаний, какие даны будут за возвращением в Житомир, в самую минуту, ожидаемого генерал-лейтенанта Рота.

О всех сих обстоятельствах вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Губернатор Михаил Бутовт-Андржейкович. 31-го декабря 1825. Г. Житомир.

Всеподданейший рапорт волынского гражданского губернатора – документ весьма характерный. Во-первых, важно то, что гражданский губернатор – не бог весть какая фигура – адресуется непосредственно к молодому императору Николаю. Когда разнеслась весть о грозном заговоре, – заговорщиком мог оказаться кто угодно, – сместились представления о четкой иерархии. (Это напоминает ситуацию в Петербурге в канун 14 декабря, когда великий князь Николай Павлович мог подозревать в преступных замыслах едва ли не любого из гвардейских полковых командиров.)

Во-вторых, и в рапорте губернатора, и в донесении генерал-майора Тихвинского, на которое губернатор опирался, чувствуется растерянность и непонимание масштабов происходящего. Подпоручик Александр Федорович Вадковский, который был офицером 17-го егерского полка, а вовсе не черниговским офицером, своими показаниями весьма способствовал этой растерянности: «…на допросе сознал, что такой злой дух есть во многих полках и что число заговорщиков есть важно». Этот документ, попав в руки Николая Павловича, во многом определил его восприятие событий на Юге.

Одна важная деталь: старший брат Александра Вадковского Федор, прапорщик Нежинского конно-егерского полка, был тем легковерным энтузиастом, который способствовал провалу Южного общества, доверившись провокатору Шервуду. Федор Вадковский не только принял Шервуда в тайное общество, но и отправил его с письмом к Пестелю…

Оба брата были бывшими гвардейцами. Федор – кавалергард, переведенный в армию за «неприличное поведение» – язвительные замечания по поводу императора Александра, а Александр – сослуживец Сергея Муравьева-Апостола по лейб-гвардии Семеновскому полку, как и другие офицеры переведенный в армию после знаменитой «семеновской истории» – волнений в полку, вспыхнувших из-за жестокости полкового командира аракчеевца Шварца.

Бывшие семеновские офицеры, Муравьев-Апостол в первую очередь, поддерживали связи с солдатами-семеновцами, оказавшимися в армии после расформирования полка, и рассчитывали на них в случае восстания.

С. И. Муравьев-Апостол. Портрет работы неизвестного художника. 1810-е гг.

Рапорт командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя А. Г. Щербатова на имя главнокомандующего 1-й армиею от 2 января 1826 г.

Секретно.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу фон-дер-Остен-Сакену.

Командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя Щербатова

Рапорт.

‹…› По объявлению майора Трухина и сейчас явившихся ко мне бежавших от Муравьева-Апостола Черниговского полка казначея порутчика Сезеневского и квартермистра

подпорутчика Войниловича, главнейшие сообщники Муравьева родные братья его – Матвей, отставной подполковник, и квартирмейстерской части прапорщик, Полтавского полка порутчик Бестужев-Рюмин, Черниговского штабс-капитан барон Соловьев, порутчики: Щепила, Кузьмин и Сухинов, переведенный из Черниговского в Александрийский гусарский полк.

Беспорядок, существующий между офицерами и нижними чинами в Черниговском полку, простирается до высочайшей степени, и, по-видимому, одно пьянство удерживает еще большую часть в сообществе с Муравьевым-Апостолом.

Генерал-лейтенант Рот чрез посланного моего в Белую Церковь штабс-капитана Ветлицу от 1-го генваря извещает меня, что он, прибывши в Белую Церковь 31-го числа в вечеру, сделал надлежащее распоряжение относительно сборов войска на нужных пунктах, чтобы истребить сии возмущения. Он намерен по прибытии из Ракитны артиллерии, которую ожидал через несколько часов, выступить с 17 егерским полком и двумя ротами Кременчугского, соединиться с гусарским принца Оранского полком и одною ротою конной артиллерии около мест. Паволочь, дабы оттоль пресечь дорогу, идущую к Бердичеву, куда, по сведениям, им полученным, Муравьев намеревается итти.

По полученным мною сего числа известиям, Муравьев выступил из Мотовиловки на рассвете и взял направление к сел. Ковалевки, оставляя вправо местечко Фастов и сел. Фастовец, имея, вероятно, намерение укрываться от большой дороги, идущей чрез Фастовец на Паволочь; Сезеневский и Войниловичь отделились от Муравьева в 5 верстах от Мотовиловки; показания их, а равно Мозелевского и рядовых, с ним бывших, а также двух писарей Курского полка при сем на благорассмотрение вашего сиятельства представить честь имею, и отправляю при сем с жандармским офицером Скоковым самого Мозелевского.

Сверх сего получены мною известия, что 1-го числа 1 офицер и 30 человек, прибывши в местечко Бишев, объявили, что они посланы от Муравьева для занятия квартир. Квартирующие в Бишеве нижние чины Кременчугского полка к мятежникам не присоединяются, но остаются на своих квартирах спокойными; кременчугские квартируют по мужикам, а прибывшие от Муравьева – у евреев. Я послал верных людей иметь наблюдение как за движением Муравьева, так равно в Бишев и Брусилов, где штаб-квартира Кременчугского полка, а между тем сего числа Муромский баталион передвинул из Броваров в м. Белогородку, на половину дороги от Киева к мес<течку> Бишеву.

В Киеве совершенно все спокойно и благополучно. Войска одушевлены преданностию и верностию к государю императору и обязанности их.

Майора Трухина я послал в Васильков принять в распоряжение все, там оставшееся от Черниговского полка.

Генерал-лейтенанта Рота теперь же извещаю о всем, что только мне известно. И коль скоро получу первое известие, что нужно ему мое содействие, то не упущу исполнить все, что только будет от меня зависеть.

Казначея Сезеневского и квартирмистра Войниловича, как бывших в сообществе с мятежниками, я приказал содержать при корпусной квартире под строгим надзором.

До отбытия их не были в соединении с Муравьевым 1-я гренадерская рота и большая часть 1-й мушкатерской: первая из них прибыла в Белую Церковь под командою капитана Козлова, а командир 1-й мушкатерской штабс-капитан Вульферт скрылся от мятежников и явился к генерал-лейтенанту Роту.

При самом окончании сего рапорта получены мною следующие известия:

1-е. Генерал-лейтенант Рот с 17 егерским полком, 2 ротами Кременчугского, первою гренадерскою Черниговского и 4 орудиями, из Белой Церкви прибыл в селение Шамраевку, и соединился там с гусарским принца Оранского полком, а 18 егерскому полку приказал следовать чрез сел. Гребенки, дабы атаковать мятежников со всех сторон.

2-е. В Васильков пришли два человека Муравьева-Апостола и отдали оружие, которых я приказал доставить за караулом в Киев.

3-е. Между возмутителями существует совершенный беспорядок и неповиновение, многие раскаиваются в безрассудном и гнусном поступке, но, угрожаемые гневными сообщниками Муравьева, не смеют явным образом отклониться, а ожидают случая. Бежавший сего числа в Васильков староста майстеровых объявил, что 4-я и 5-я мушкатерские роты решаются искать случая, чтобы схватить Муравьева.

Что за сим узнаю, буду иметь честь донести вашему сиятельству с нарочным.

Генерал-от-инфантерии князь Щербатов. № 22. Генваря 2-го дня 1826 года. Г. Киев.

Донесение командира 2-й бригады 3-й гусарской дивизии генерал-майора барона Ф. К. Гейсмара от 15 января 1826 г.

Реляция о бунте Черниговского полка под предводительством подполковника Муравьева-Апостола, подавленном под Устиновкой.

По доставлении мне достоверного известия от одного из посланных мною разведчиков, что бунтовщики двинулись от Мотовиловки на Белую Церковь, в ночь со 2-го на 3-е января я получил приказ выступить с двумя эскадронами Мариупольского гусарского полка и с двумя орудиями 5 конно-артиллерийской роты, взяв направление на Трилесы, где уже находился один эскадрон полка принца Оранского. Корпусный командир хотел было сам следовать за мной с остальными пятью эскадронами и шестью орудиями и действительно выступил (собственной персоной) час спустя после моего отъезда, но. однако, на пол-пути от Махначки к Трилесам, повернул назад свой отряд, приказав ему накормить лошадей. Когда я доставил ему достоверное известие, что мятежники заночевали в Пологах и намереваются двинуться оттуда на Гребенки, он решил выступить с пятью эскадронами и с шестью орудиями на Фастов, а мне с моим отрядом приказал итти на Гребенки, куда тотчас же послал приказ пробиваться и эскадрону принца Оранского полка во главе с подполковником Лёвенштерном; вслед за тем, ген. Рот вернулся к своим эскадронам и двинулся, как сказано, на Фастов. Я же приказал накормить лошадей и разослал по разным направлениям, на разведку, многих офицеров, чтобы собрать о враге наиболее достоверные сведения; вскоре я получил известие, что мятежники находятся в пути и вероятно предполагают ночевать у Ковалевки. На это послал я приказ подполковнику Лёвенштерну оставаться у Ковалевки (куда он уже прибыл), куда вскоре прибыл и я сам с тремя эскадронами и с двумя орудиями, ибо 1-ый эскадрон полка принца Оранского (прибывший, как мне думается, из Белой Церкви) был от меня отобран, и, засим, немедленно с четырмя эскадронами поскакал к Устиновке, где, по полученным сведениям, мятежники только-что позавтракали. Вскоре, действительно, я заметил их в открытом поле, идущими нам навстречу. Тогда я приказал обоим орудиям выдвинуться вперед, эскадронам выстроиться в боевом порядке, и рысью двинулся навстречу изменникам, чтобы выиграть больше пространства (так как им оставалось пройти не более трех верст, чтобы достичь леса и прилегающих к нему деревень). Мятежники на наших глазах зарядили ружья, выстроились в каре и направились скорым шагом по направлению к моим орудиям. Подпустив их приблизительно на 200 шагов, я стал осыпать их сильным картечным огнем. При первых выстрелах они держались сравнительно в порядке, но уже при 7-ом и 8-ом выстрелах пришли в окончательное смятение и бросились бежать порознь вправо и влево. Этот момент я использовал для общей кавалерийской атаки. Все были захвачены, несмотря на то что главный зачинщик Муравьев-Апостол пытался со знаменем в руках вновь собрать мятежников.

Три офицера остались убитыми на месте, а именно: младший брат Муравьева и поручики Черниговского полка – Щепилла и Кузмин; все остальные были захвачены, в том числе пять офицеров и 859 нижних чинов и унтер-офицеров; сам Муравьев был ранен в голову.

С моими пленными я тотчас же двинулся в обратный путь на Трилесы, так как там имелась обширная корчма, куда я свободно мог всех их заключить и надежнейшим образом охранять. Майора Мариупольского полка Ржундковского я послал обратно на поле сражения, дабы подобрать там оружие, разного рода амуницию, а равно раненых и убитых.

Через несквлько часов прибыл в Трилесы также и генерал-лейтенант Рот с капитаном Стихом, которому я собственноручно передал отобранные у пленных бумаги, а именно: целый портфель Бестужева и составленную на французском и русском языках конституцию, которую Муравьев выронил из кармана на поле сражения и которую заметил и подобрал подполковник Лёвенштерн.

Несколько часов спустя ген. Рот уехал обратно в Житомир, приказав мне доставить пленных в Белую Церковь и известить обо всем ген. Тихановского, что мною с точностью и было исполнено 4 января.

Могилев. Генерал-майор, барон Гейсмар. Января 15 дня 1826 г.

Стратегия Муравьева-Апостола, странный маршрут, которым он вел мятежные роты, – все это впоследствии вызвало раздраженное недоумение у многих заговорщиков.

Уже в 1861 году один из самых решительных членов Общества объединенных славян подпоручик-артиллерист Иван Иванович Горбачевский, отвечая на вопросы Михаила Александровича Бестужева, писавшего мемуары и собиравшего сведения у живых еще декабристов, писал: «Мы, славяне, – слушай, – были народ очень смирный; втихомолку хотели, рано или поздно, хорошо ли худо, соединить все славянские народы в одну федеративную республику. Дела наши шли медленно, но хорошо; но черт нас попутал, или, лучше сказать, Тютчев (капитан Алексей Иванович Тютчев, член Общества соединенных славян. – *Я. Г.*), открывши нам Южное общество. Страсти разгорелись; собрался 3-й корпус под Лещиным на маневры, и тут-то мы упрашивали и умоляли Муравьева-Апостола начать действия; ибо мы уверены были увлечь всех и все. Но не тут-то было: Муравьев заразился петербургской медлительностью и случай был упущен с 30-ю тысячью солдат. Потом, когда славно отбили его и вырвали из когтей, арестовавших его, эти же славяне упрашивали его и умоляли идти в один переход и упасть, как снег на голову, на Киев и взять его; тем более, там была в карауле бригада с готовыми членами тайного общества, ожидавшими его. Он и тут не послушал, отговариваясь, что к нему придут войска для усмирения и к нему же они присоединятся; ходил, ходил, пока ему картечь лоб не расшибла, и все кончилось Сибирью и веревкой».

Горбачевский, человек твердый и чрезвычайно достойный, сильно преувеличивал изначальную «смиренность» «славян».

Он сам же далее приводил слова Муравьева-Апостола, всерьез опасавшегося, что «славяне» начнут действовать, не дожидаясь готовности всех остальных. Горбачевскому, лидеру «Славянской управы» возникшей после присоединения «славян», он резко наказывал: «Вы этих собак славян держите в руках; это цепные бешеные собаки, которых только тогда надо спустить с цепей, когда придет время действовать».

Так ли должно действовать, так ли надо управлять людьми, для которых нет страха, нет преград, в душе которых только и было одно слово действовать, и с исступлением каким-то бешеным и отчаянием!»

Причины, по которым Муравьев-Апостол водил мятежные роты по небольшому сравнительно пространству, можно объяснить отдаленностью частей, на присоединение которых он мог рассчитывать, и, скорее всего, надеждой – о чем пишет Горбачевский, – что посланные против него войска откажутся стрелять по своим братьям-солдатам и у него будет воз-

можность сообщить им о целях восстания – в частности, о радикальном сокращении срока солдатской службы.

Безоглядно решительный Сергей Иванович Муравьев-Апостол в сложившейся ситуации проявил совершенно на него не похожую растерянность и наивность. Он ведь помнил, что за несколько дней до черниговского мятежа давний и убежденный член всех трех тайных обществ – Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества – полковник Артамон Захарович Муравьев, некогда вызывавшийся на цареубийство, несмотря на уговоры Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, отказался поднимать Ахтырский гусарский полк, которым командовал…

Это и многое другое свидетельствовало о психологическом надломе, который произошел у членов тайного общеетва, неожиданно оказавшихся перед роковым выбором.

Недаром радикал Пестель, готовый – на словах! – к истреблению всего августейшего семейства, незадолго до описываемых событий признавался своему другу и товарищу по заговору майору Николаю Ивановичу Лореру, что он, Пестель, замышляет открыться во всем императору Александру и просить его, обещая поддержку либерального офицерства, начать в России необходимые реформы. Лорер отговорил Пестеля от этого шага.

Недаром арестованный 13 декабря Пестель, когда с ним сумел увидеться генерал Волконский, отказался дать сигнал к восстанию, ибо осознал безнадежность этой неподготовленной попытки.

Психологическую атмосферу, царившую в эти дни в верхах тайного общества, выразительно описал тот же майор Лорер: «Всю ночь мы жгли письма и бумаги Пестеля. Возвратившись к себе, я занялся и у себя тем же и для верности сжег все, что у меня было писанного. Хранители „Русской правды“ уехали, а мы стали ждать развязки… Пришло повеление 2-й армии присягнуть на верность службы цесаревичу Константину Павловичу, что и было выполнено по полкам. Как теперь вижу Пестеля, мрачного, сериозного, со сложенными перстами поднятой руки… Мог ли я предположить тогда, что в последний раз вижу его перед фронтом и что вскоре и совсем мы с ним расстанемся? В этот день все после присяги обедали у Пестеля, и обед прошел грустно, молчаливо, да и было отчего. На нас тяготела страшная неизвестность…

Великий князь Константин Павлович. Гравюра с оригинала П.-Р. Виньерона. 1810-е гг.

Вечером, по обыкновению, мы остались одни и сидели в кабинете. В зале не было огня… Вдруг, вовсе неожиданно, на пороге темной комнаты обрисовалась фигура военного штаб-офицера, который подал Пестелю небольшую записочку, карандашом написанную:

„Общество открыто. Если будет арестован хоть один член, я начинаю дело. С. Муравьев-Апостол“.

Стало быть, дело наше начало разыгрываться. Легко себе представить, как мы провели эту ночь.

На другой день мы узнали, что общество открыто через донос Майбороды….Предчувствия мои сбылись».

Все они безропотно пошли на заклание. Все, кроме Сергея Муравьева-Апостола и нескольких офицеров его полка, – членов Общества соединенных славян.

Вспомним Горбачевского…

Всеподданнейший доклад аудиториатского департамента от 10-го июля 1826 г.

Его императорскому величеству.

Аудиториатского Департамента

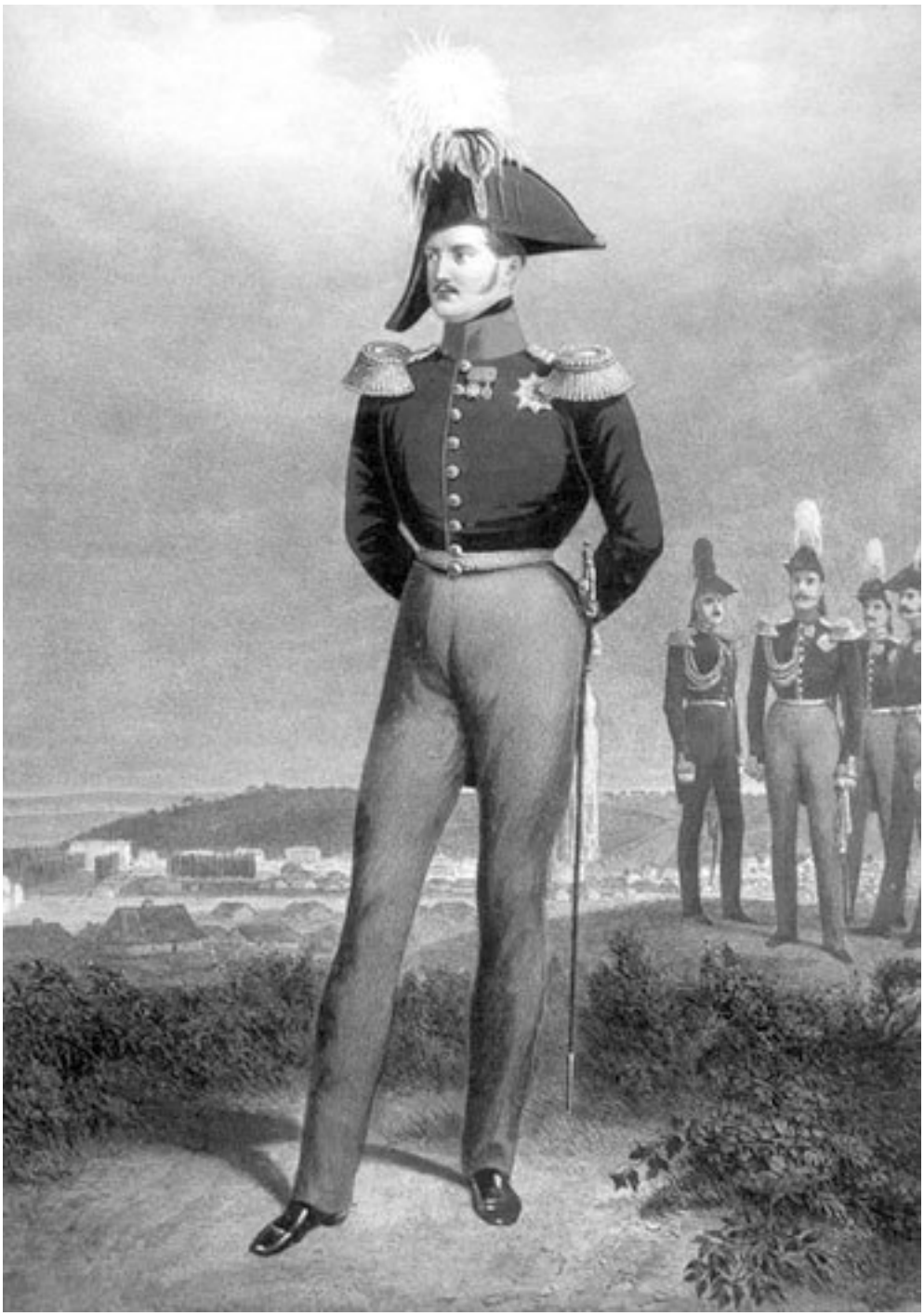
Доклад.

Черниговского пехотного полка штабс-капитаны Маевский и барон Соловьев, поручики Сизиневский и Петин, подпоручики: Быстрицкий, Войниловичь, Рыбаковский и Кондырев, прапорщики: князь Мещерский, Апостол-Кегичь, Белелюбский и Мозалевский, переведенный из того полка в Александрийский гусарский полк Поручик Сухинов и 17-го егерского полка подпоручик Молчанов, по приказу главнокомандующего 1-ю армиею, генерала от инфантерии графа Сакена, отданному 28 генваря и по предписаниям, последовавшим от него 26 февраля и 25 марта сего 1826 года, преданы военному суду, из них барон Соловьев, Быстрицкий, Мозалевский и Сухинов закованными в кандалах, а прочие арестованными, за участие их в произведенном в том полку подполковником Сергеем Муравьевым-Апостолом возмущении.

По суду же открылось:

Бывший командир Черниговского пехотного полка подполковник, что ныне полковник, Гебель 26 декабря 1825 года в три часа пополуночи получил от приехавших к нему в г. Васильков двух жандармских офицеров, поручика Несмеянова и прапорщика Скокова, секретное повеление начальника главного штаба 1-й армии генерал-адъютанта барона Толя, об арестовании, по высочайшему повелению, подполковника того полка Сергея Муравьева-Апостола, который пред тем за два дня был отпущен Гебелем в корпусную квартиру в г. Житомир, уехал туда вместе с братом своим отставным подполковником Матвеем Муравьевым; а как те же жандармские офицеры предъявили Гебелю повеление об арестовании сего отставного подполковника Муравьева, то Гебель и жандармские офицеры, отправясь в квартиру Муравьевых, застали там подпоручика Полтавского пехотного полка Бестужева-Рюмина и разжалованного из полковников в рядовые Башмакова, при чем обыскав квартиру Муравьевых взяли к себе и запечатали все найденные в оной бумаги, письма и разные книги Муравьевых, потом для отыскания самих их того же 26 декабря поутру уехали полковник Гебель и жандармские офицеры в город Житомир; но когда они не нашли там Муравьевых-Апостолов, то осведомляясь куда они из Житомира уехали, где потом останавливались и переменяли лошадей, и продолжая путь вслед за ними из местечка Любар по Бердичевской дороге, съехались у корчмы с жандармским поручиком Лангом, посланным от корпусного командира, генерал-лейтенанта Рота, для отыскания подпоручика Бестужева-Рюмина, о коем в Бердичеве хозяин квартиры его сказал, что уехал он в Любар; когда же полковник Гебель и бывшие с ним два жандармские офицера уверили Ланга, что в Любаре нет Бестужева, Ланг вместе с ними прибыл в Бердичев, где Гебель узнал, что Муравьевы-Апостолы отправились, ночью на 28 число декабря в местечко Паволочь, и предположив следовать туда с одним только поручиком Лангом, послал прочих бывших с ними жандармских офицеров в разные места для отыскания Муравьевых-Апостолов, по прибытии в Паволочь того 28 числа полковник Гебель и поручик Ланг, осведомясь, что Муравьевы-Апостолы проехали по дороге к местечку Фастову, отправились туда, но в продолжении пути остановились в селении Трилесах кормить лошадей и, желая по тогдашнему холодному времени обогреться, пошли в квартиру бывшего командиром в 5-ой мушкетерской роте Черниговского пехотного полка, поручика Кузмина, которого тогда не было в оной, и лишь только Гебель и Ланг вошли с огнем в ту квартиру Кузмина, как увидели там подполковника Сергея Муравьева-Апостола, стоявшего посреди комнаты совсем одетого, что было в 4 часа с полуночи, а после того нашли в другой комнате лежавшего на кровати и брата его отставного подполковника Матвея Муравьева, почему Гебель поставя у дверей внутри комнаты бывшего с ним жандармского унтер-офицера, и призвав фельдфебеля 5 мушкетерской роты

Шутова приказал ему нарядить в караул 12 человек рядовых и поставить из них трех у окон с улицы, а четвертого у дверей комнат в сенях, остальных же 8 человек, в кухне, подтвердив всем им, чтоб они караулили Муравьевых, после сего Гебель возвратясь в комнаты к Муравьевым объявил им высочайше повеленный арест, и узнав от денщика порутчика Кузмина, что Бестужев-Рюмин куда-то поехал с вечера, и что приказано ему от Муравьевых возвратиться в Трилесы непременно с рассветом, решился, обеспеча себя достаточным караулом, дождаться Бестужева, чтобы всех их взять вместе; между тем по рассвете 29 декабря приехали туда, первоначально порутчик Кузмин, и Щипилло, потом вскоре штабс-капитан барон Соловьев и порутчик Сухинов, сей приезд их в необыкновенное время подал повод полковнику Гебелю к сильному подозрению в каком-либо злонамерении; а потому он послал порутчика Ланга узнать, готовы ли лошади; но лишь только Ланг отворя дверь хотел войти в избу, где были караульные солдаты, как вдруг порутчик Щипилла, повстречавшись с Лангом и схватя солдатское ружье, около дверей стоявшее, намерен был пронзить Ланга штыком, говоря: «Этого первого надо убить», при чем находился и Сухинов, однако Ланг ушел в избу и держал за дверь до тех пор, пока Щипилла не отстал от оной; после чего Ланг вышел из избы на двор, где Сухинов, увидя Ланга и подойдя к нему сказал, что он будет спасать его жизнь, не говоря же ничего о Гебеле и Муравьевых, Сухинов отвел Ланга в дом священника, прося его скрыть Ланга от опасности; между тем полковник Гебель прийдя в кухню лично отдавал, приказание караульным «в случае сопротивления Муравьевых колоть их как важнейших преступников» и не успел еще кончить сего приказания, как вдруг за Гебелем вошли в кухню барон Соловьев, Кузмин, Щипилла и Сухинов и спрашивали у него: за что Муравьевы арестуются; на сие Гебель отвечал, что знать о том не их дело, а Щипилло закричав на Гебеля: «Ты варвар хочешь погубить Муравьевых» и схватив из рук у одного из стоявших там караульных ружье, пробил Гебелю штыком грудь, потом Соловьев, Кузмин и Сухинов взялись также за ружья, и хотя Гебель закричал на караульных солдат, чтобы их кололи, однако ж солдаты не исполнив того остались в виде посторонних зрителей; после Щипилла, барон Соловьев, Кузмин и Сухинов, как видно из объяснения полковника Гебеля, бросились колоть его штыками, а он обороняясь сколько было сил и возможности выскочил из кухни на двор, но был настигнут ими, равно и выбежавшими из покоев Муравьевыми, из коих старший нанес Гебелю штыком сильную рану в живот, а прочие кололи его; он, Гебель, вырвавшись от них бежал, однако был преследован Щипиллою, который переломил Гебелю стволом правую руку между кистью и локтем и нанес несколько ударов и сильную в голову рану штыком, при чем Гебель в жару бросившись на Щипиллу вышиб у него ружье и побежал к корчме; в сие время погнались все они за Гебелем, который, немного прежде их прибежав к корчме, упал в стоявшие там порожние сани, в коих были упряжены пара крестьянских лошадей, И не чувствуя в переломленной руке боли, погнал тех лошадей по дороге; порутчик же Сухинов, преследуя Гебеля верхом на лошади и не слезая с оной, поворотил бывших у Гебеля лошадей назад, но вскоре повстречавшийся с ними на дороге рядовой 5 мушкетерской роты вскочил в сани и узнав от Гебеля кто он; привез его, по приказанию его, к корчме, несмотря на все запрещения и угрозы Сухинова, приказывавшего Иванову везти Гебеля на ротный двор, потом Иванов доставил Гебеля в господский дом, а оттуда степью в селение Снятинку в 1-ю гренадерскую роту к капитану Козлову.



Император Николай I. Литография с оригинала Ф. Крюгера. 1830 г.

После такового с полковником Гебелем происшествия Сергей Муравьев-Апостол, барон Соловьев и Щипилла отправились того же 29 декабря в селение Ковалевку, где была расположена 2-я гренадерская рота, которой приказал Сергей Муравьев собраться; а когда в след за ними прибыли туда же Сухинов, брат Муравьева и Кузмин с 5 мушкетерской ротою; то все они переночевав отправились с теми двумя ротами в город Васильков. Между тем полковник Гебель вытребовав из 1-й мушкетерской роты капитана Вульферта с конвоем, под прикрытием оного 30 числа того декабря прибыл в Васильков, и хотя по распоряжению Гебеля и подполковника Трухина наличными людьми усилены были везде караулы, так же взяты под арест барон Соловьев и Щипилла, приехавшие тогда в Васильков, и посланы нарочные, чтобы все роты того полка прибыли туда в самоскорейшем времяни; но Сергей Мура-

вьев-Апостол и прочие сообщники его, равно и соединившийся с ними подпорутчик Бестужев-Рюмин, вступив вскоре после того в Васильков со 2-ю гренадерскою и 5 мушкетерскою ротами с заряженными ружьями, и повстречаясь с Трухиным, который приказав бить тревогу вышел к ним навстречу с бывшими в Василькове на лицо нижними чинами, сорвали с него Трухина эполеты и шпагу и отвели на гоуптвахту, потом по распоряжению Сергея Муравьева-Апостола поставлены были везде часовые и назначен в караул к Васильковской заставе прапорщик Мозалевский, который приехавших в то же время в Васильков жандармских офицеров порутчика Несмеянова и прапорщика Скокова задержав и отобрав имевшиеся у них прогонные и собственные деньги более тысячи рублей, посадил на гоуптвахту, из коей во время сего происшествия были освобождены нижние чины, содержавшиеся за преступления под арестом: и даже закованные в кандалы; между тем прибыл из Санктпетербурга в Васильков брат Муравьевых квартирмейстерской части прапорщик Муравьев-Апостол и вскоре по прибытии его Сергей Муравьев-Апостол вручив прапорщику Мозалевскому три возмутительные катихизиса, послал его с унтер-офицером Харитоновым и тремя рядовыми в город Киев с тем, чтобы раздать сии катихизисы, и отыскав Курского пехотного полка майора Крупенникова, или Крупникова, сказать ему, чтобы он следовал с баталионом в местечко Брусилов, после чего Сергей Муравьев приказал вытребовать из Васильковского провиантского магазеина на генварь месяц сего года провиант на весь полк и продать оный; а 31-го числа того же декабря были взяты из квартиры полкового командира и вынесены к собравшимся в Василькове нижним чинам, стоявшим во фронте, знамена, при коих по приказанию Сергея Муравьева-Апостола, священник, отслужив молебен, читал нижним чинам возмутительный катихизис, потом он, Муравьев, и все сообщники его выступя из Василькова того же дня в числе пяти рот, с бывшими при оных офицерами, направили свой путь в селение Мотовиловку, имея у себя под арестом и упомянутых жандармских офицеров Несмеянова и Скокова, коих однако вскоре по выходе оттуда отпустили; до прибытия еще Сергея Муравьева с двумя ротами в Васильков, подпорутчик Быстрицкий, по приказанию подполковника Трухина, отправясь для принятия 2-й мушкетерской роты в местечко Германовку, прибыл с оною 31-го же декабря в Васильков, тогда, как Сергей Муравьев-Апостол и сообщники его с воинскими чинами выступили уже оттуда; однако Быстрицкий решась следовать за полком соединился с оным 1-го генваря сего 1826 года, сдав тотчас по приказанию Муравьева 2 мушкетерскую роту барону Соловьеву.

Между тем от подполковника Сергея Муравьева-Апостола того же 31 декабря был послан подпорутчик Войниловичь с приказанием в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты, дабы оные в селении Мотовиловке соединились с полком, потом Сергей Муравьев-Апостол прибыв в Мотовиловку лично уговаривал пришедшую в оное 1-ю гренадерскую и квартировавшую там 1 мушкетерскую роты соединиться с полком; но из сих рот 1-я гренадерская с бывшим в оной командиром капитаном Козловым, не взирая ни на какие предложения и угрозы Муравьева удалилась от него, и как оная рота, так и большая часть нижних чинов 1-й мушкетерской роты, не пожелав соединиться с Муравьевым, явились в дивизионную квартиру. Прапорщик Мозалевский, унтер-офицер Харитонов и три рядовые, посланные от Сергея Муравьева-Апостола в Киев с возмутительными катихизисами и с письмом к майору Крупенникову, 1-го числа генваря сего года, на возвратном пути от Киева в 12 верстах схвачены. Мозалевский будучи в Киеве не нашел в Курском пехотном полку майора Крупенникова, – и потому при возвращении из Киева бросил на улице все три катихизиса, из коих один экземпляр отыскан на Подоле, а два другие пропали.

Командир 4-го пехотного корпуса генерал-от-инфантерии князь Щербатов получив 31 декабря от киевского гражданского губернатора копию рапорта васильковского стряпчего о возмущении Черниговского пехотного полка, для узнания о сем послал в Васильков корпусного адьютанта штабс-капитана Врангеля, который обще с командированным от граждан-

ского начальства киевским исправником доставил копию катихизиса, составленного неистовыми возмутителями.

Сей катихизис, названный ими православным, есть следующего содержания:

«Во имя отца и Сына и Святаго духа:

Вопросъ. Для чего Богъ создалъ челов#ка?

Отв#тъ. Для того, чтобъ онъ въ него в#роваль, былъ свободенъ и щастливъ.

Воп[росъ]. Что значитъ в#ровать въ Бога?

Отв[#тъ]. Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сошедши на землю, для спасенія насъ, оставилъ намъ святое свое Евангеліе… В#ровать въ Бога значитъ сл#довать во всемъ истинному смыслу начертанныхъ въ немъ законовъ.

Воп[росъ]. Что значитъ быть свободнымъ и щастливымъ?

Отв[#тъ]. Безъ свободы н#тъ щастія. Святый Апостолъ Павелъ говоритъ: ц#ною крови куплены есте, не будете рабы челов#камъ.

Вопросъ. Для чего же русскій народъ и руское Воинство нещастно?

Отв#тъ. Отъ того, что Цари похитили у нихъ свободу.

Воп[росъ]. Стало быть Цари поступають вопреки воли Божіей?

Отв[#тъ]. Да, конечно, Богь нашъ рекъ: болій въ васъ, да будеть вамъ слуга, – а Цари тиранятъ только народъ.

Воп[росъ]. Должны ли повиноваться Царямъ, когда они поступаютъ вопреки воли Божіей?

Отв[# т ъ]. Н#тъ! Христосъ сказалъ: Не можете Богу работати и мамон#; оть того то руской народъ и руское воинство страдаютъ, что покоряются Царямъ.

Воп[ро съ]. Что жъ Святый Законъ нашъ повел#ваетъ д#лать рускому народу и воинству?

Отв[#тъ]. Раскаяться въ долгомъ рабол#пствіи и ополчась противъ тиранства и нечестія поклясться: Да будетъ вс#мъ единъ Царь на небеси и на земли Іисусъ Христосъ.

Воп[росъ]. Что можетъ удержать отъ исполненія святаго сего подвига?

Отв[# т ъ]. Ничто! Т#, кои воспротивятся Святому подвигу сему, суть предатели, Богоотступники, продавшіе души свои нечестію, и горе имъ лицем#рамъ, яко страшное наказаніе Божіе постигнетъ ихъ на семъ св#т# и на томъ.

Вопросъ. Какимъ же образомъ ополчиться вс#мъ чистымъ сердцемъ?

Отв#тъ. Взять оружіе и сл#довать за глаголющимъ во имя Господне, помня слова Спасителя нашего: Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, яко т# насытятся; и низложивъ неправду и нечестіе тиранства, востановить правленіе, сходное съ закономъ Божіемъ.

Воп[росъ]. Какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ?

Отв[#тъ]. Такое, гд# н#тъ Царей. Богъ создалъ вс#хъ насъ равными и сошедши на землю избрал Апостоловъ изъ простаго народа, а не изъ знатныхъ и царей.

С. И. Муравьев-Апостол на допросе следственной комиссии в Петербурге. Рисунок А. А. Ивановского. 1826 г.

Воп[росъ]. Стало-быть, Богъ не любитъ Царей?

Отв[#тъ]. Н#тъ! Они прокляты суть отъ него, яко прит#снители народа, а Богъ есть челов#колюбецъ; да прочтеть каждый, желающій знать судъ Божій о Царяхъ Книги Царствъ главу 8-ю: собрашася мужи Израилевы и пріидоша къ Самуилу и рекоша ему: нын# постави надъ нами Царя, да судитъ ны; и бысть лукавъ глаголъ сей предъ очима Самуиловыма, и помолися Самуилъ къ Господу, и рече Господь Самуилу: послушай ныне гласа людей, якоже глаголятъ теб#, яко не тебе уничижиша, но мене уничижиша, яже не царствовати ми надъ ними, но возв#стиша имъ правду цареву. И рече Самуилъ вся словеса господня къ людямъ просящимъ отъ него Царя и глагола имъ: Сіе будетъ Правда Царева: Сыны ваши возметъ, и дщери ваши возметъ, и земли ваши одесятствуетъ, и вы будете ему рабы и возопіете в день онъ отъ лица Царя вашего, его же изобрасте себ#, и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яковы сами избрасте себ# Царя…

Итакъ, избраніе Царей противно вол# Божіей, яко единъ нашъ Царь долженъ быть Іисусъ Христосъ.

Вопросъ. Стало, и присяга Царямъ Богопротивна?

Отв#тъ. Да, Богу противна; Цари предписываютъ принужденныя присяги народу для губленія его, не призывай всуе имени Господня: Господь же нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ изрекъ: Азъ же глаголю Вамъ: не клянитеся всяко; и такъ всякая присяга челов#ку противна Богу, яко надлежащая ему единому.

Воп[росъ]. Отъ чего жъ упоминаютъ о Царяхъ въ церквахъ?

Отв[#тъ]. Отъ нечестиваго Приказанія ихъ самихъ, для обмана народа и ежечастнымъ повтореніемъ Царскихъ имянъ оскверняютъ они службу Божію вопреки Спасителева вел#нія молящіи не лишше глаголятъ якоже язычники.

Вопросъ. Что же наконецъ подобаетъ д#лать христолюбивому Россійскому воинству?

Отв#тъ. Для освобожденія страждущихъ семействъ своихъ и родины своей, и для исполненія Святаго Закона Христіанскаго, помолясь теплою надеждою Богу, поборающему

по правд# и видимо покровительствующему уповающимъ твердо на него, ополчиться вс#мъ вм#ст# противъ тиранства и восстановить в#ру и свободу въ Россіи.

А кто отстанет, тот яко Іуда предатель, будетъ Анафима проклятъ. Аминь!»

Командиры пехотных корпусов: 4-го, генерал-от-инфантерии князь Щербатов и 3-го генерал-лейтенант Рот доносили главнокомандующему 1-ю армиею:

Князь Щербатов от 31-го декабря 1825 и 1-го генваря сего 1826 года, что о возмущении Черниговского пехотного полка получа он сведение от киевского гражданского губернатора, по дощедшим к нему от васильковских стряпчего и городничего рапортам, предписал тотчас 1-му баталиону Моромского пехотного полка; выступившему из Киева, по смене с караула, остановиться в местечке Броварах и быть ежеминутно в готовности к выступлению куда надобность потребует; Витебскому пехотному полку также приготовиться куда приказано будет, а Курской полк, в Киеве находившийся, был уже в совершенной готовности; 2-е, что прибыли в Киев полковник Гебель покрытый 8-ью ранами, из коих самая тяжелая нанесена в грудь Муравьевым; майор, что ныне подполковник Трухин, довольно пострадавший от побоев; два жандармские офицеры порутчик Несмеянов и прапорщик Скоков, которых Муравьев содержа под арестом отпустил после выступления из Василькова в 8 верстах, также прибыл полковой адьютант Павлов 1-й, скрывшийся от мятежников в доме городничего, сохраня присяжный лист, подписанный всеми офицерами на подданство вашему императорскому величеству и полковую печать и 3-е, что отделившиеся от мятежников явились к нему князю Щербатову, генваря 2-го порутчик Сизиневский и подпорутчик Войниловичь, и 3-го штабс-капитан Маевский, порутчик Петин, подпорутчики: Рыбаковский и Кондырев; прапорщики: князь Мещерский, Апостол-Кегичь и Белелюбский, и что из числа их Кондырев, князь Мещерский и Апостол-Кегичь, по уверению полковника Гебеля и подполковника Трухина, насильно были увлечены мятежниками и к сообществу их не принадлежали.

Генерал-лейтенант Рот:

Первоначально от 1-го генваря, что он получив известие 30-го декабря, 1825 года поздно в вечеру о происшествии, бывшем с полковником Гебелем в селении Трилесах, 31-го числа того месяца отправился после полуночи и прибыл в вечеру того же дня в дивизионную квартиру в местечко Белую Церковь, где командовавший дивизиею, генерал-майор Тихановский лично донес, ему Роту, что полковник Гебель тяжко ранен в Трилесах, и что после сего происшествия Муравьев-Апостол с помощию 5 мушкетерской и 2-й гренадерской рот, чтобы привести часть полка в возмущение под предлогом, что его императорского высочества цесаревича Константина Павловича неправильно и против желания устраняют от наследия престола, решительно возбудил шесть рот к неповиновению начальству и власти; будучи же поддерживаем некоторыми офицерами, совершенно ему Муравьеву, преданными, произвел он всякого рода буйства, потом 31-го числа предпринял с оными ротами движение, а стараясь всячески распространить дух возмущения и привлекая нижних чинов ласковым и вольным обращением, позволял им пьянствовать и делать неистовство, чем надеялся, нашед прочие полки 9-й пехотной дивизии еще расположенными по широким квартирам, тоже привлечь на свою сторону значительное число людей. Генерал-майор Тихановской, узнав о сем происшествии, предписал немедленно собрать прочие полки в свои штаб-квартиры, дабы отнять Муравьеву-Апостолу все способы к распространению возмущения; а он Рот с своей стороны велел тотчас двинуть в Паволочь из ближайше расположенных гусарских полков 6-тъ ескадронов, послав между тем повеление, чтобы и вся дивизия была в готовности в случае надобности; удостоверившись же, что Муравьев-Апостол посылал ежедневно из своих приверженцев к бывшему командиру Алексапольского пехотного полка полковнику Швейковскому, находившемуся еще в Радомысле для сдачи полка, узнал он, Рот, что чины сего

полка, равно и Кременчугского пехотного, по приближении Муравьева последуют бесчестному предприятию его тем более, что разглашает он солдатам 8-летний срок службы и другие льстивые обещания; почему опасаясь, что влияния Швейковского, который, как он Рот недавно узнал, принадлежит тайному обществу, над Алексапольским полком могли послужить в пользу возмутителей и поколебать даже соседственный Кременчугский полк, он Рот, 31 числа, послал тем полкам с нарочным повеление о немедленном выступлении в окрестности Житомира, а генерал-майору Чистякову предписал, чтобы он тотчас арестовал Швейковского и опечатав все его бумаги отправил вместе с ним в корпусную квартиру. Сверх того велел того же числа 17 егерскому полку, двум ротам Кременчугского полка, содержавшим караул в дивизионной квартире и 4 пешим орудиям следовать из Белой Церкви в Паволочь, – куда и сам он Рот прибыл того же вечера в одно время с вышеупомянутыми гусарскими эскадронами. Получив уже там верное сведение, что Муравьев-Апостол положительно взял направление на Брусилов, он генерал-лейтенант Рот, не дожидаясь прибытия туда пехоты, дабы не потерять времяни, на рассвете выступит с 6-ю ескадронами гусар и конною ротою № 5 для искоренения возникшего возмущения.

Потом от 3-го генваря, что после выступления его генерал-лейтенанта Рота из местечка Паволочь, по двух-дневном преследовании возмутителя подполковника Муравьева-Апостола, успел он Рот окружить его с трех сторон. Средний отряд под командою генерал-майора барона Гейсмара настиг мятежников на Устимовской высоте близь деревни Палогов Васильковского уезда, где Муравьев-Апостол видя приближение войска построил мятежников своих в каре, и взяв на руку пошел прямо на орудия. Каре сей, быв принят картечным огнем расстроился, и тогда кавалерия сделала атаку, все мятежники бросили оружие и сдались, до 700 человек нижних чинов, равно и сам Муравьев-Апостол, тяжело раненый картечью и сабельным ударом в голову, штабс-капитан барон Соловьев, подпорутчики Быстрицкий, Бестужев-Рюмин и брат Муравьева отставной подполковник. Убиты же порутчики: Кузмин и Щипилла, брат Муравьева квартирмейстерской части прапорщик Муравьев же и 6-ть человек рядовых; а в числе находившихся под командою генерал-лейтенанта Рота войск не было ни убитых, ни раненых, потому что нижние чины, бывшие с Муравьевым-Апостолом, вообще не защищались.

При покорении мятежников порутчик Сухинов бежал и укрывался от преследования его; но по принятым гражданским начальством мерам 15 февраля сего года пойман Бессарабской области в городе Кишиневе, где он имел пребывание по фальшивому пашпорту.

Ошибкой Муравьева-Апостола – и ошибкой, быть может, роковой – был не только странный маршрут в виде восьмерки, вычерченной по ограниченному пространству, но оглашение Катехизиса. Солдаты и так не очень понимали, зачем и куда их ведут, но заявление их командира, что они должны быть верны своему государю Константину Павловичу, которому они присягнули, делало их поведение осмысленным. Но когда им было торжественно объявлено, что Бог не любит царей, присяга царям богопротивна, а поминание царского имени на торжественных молебнах – «от нечестивого», то есть дьявольская затея, то черниговцы были совершенно сбиты с толку.

Дисциплина в ротах падала день ото дня, и даже любимые солдатами офицеры с трудом сохраняли контроль над ними. Теперь же этот процесс разложения только усугубился.

Убежденный республиканец Сергей Иванович Муравьев-Апостол, европеец по своим представлениям, обратился к солдатам как к равным себе. Но солдаты явно не готовы были воспринять республиканские идеи, даже облаченные в знакомую им религиозную форму.

Опытный боевой офицер, привыкший к повиновению солдат, Муравьев-Апостол не ожидал, что разрушение воинской иерархии в высшем слое вскоре поставит под вопрос соблюдение воинской иерархии вообще. И то, что доносили местные власти о пьянстве сол-

дат-черниговцев и ограблении ими обывателей в поисках провианта, к сожалению, соответствует действительности.

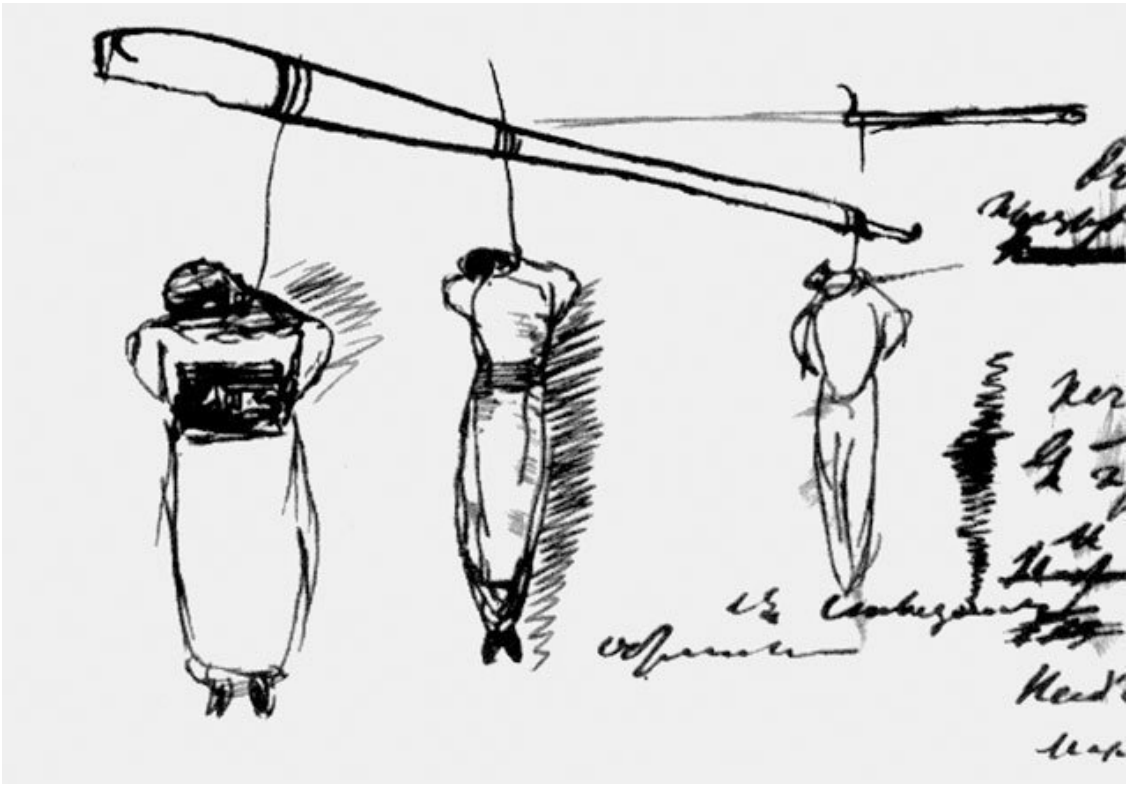
И когда в будущем речь у нас пойдет о попытке поручика Сухинова, близкого к Муравьеву-Апостолу и в значительной степени им духовно и политически сформированному, поднять восстание каторжан в Сибири, то нужно будет мысленно возвратиться к драме Черниговского полка…

СЕНТЕНЦИЯ.

Военный суд приговорил:

1-е, штабс-капитан Соловьев и порутчик Сухинов есть важнейшие виновники в злом умысле и содействии во всех злых предприятиях извергу и изменнику подполковнику Муравьеву-Апостолу, который имел, как из собственных признаний их явствует, злоумышленное и дерзновенное и даже в ужас каждого приводящее намерение, испровергнуть законную в государстве монархическую власть, погрузить государство в бесчисленное бедствие, а к достижению сего возбудить в войсках ропот и неудовольствие к высочайшей особе и благоустроенному порядку, паче же в солдатах прежнего состава Семеновского полка, распределенных правосудием в бозе почивающего государя императора Александра 1-го по полкам 3-го корпуса, поселить измену различными убеждениями и обольщениями; о чем Соловьев и Сухинов имея достоверное сведение и тщательно скрывая от начальства, в последствии и сами вступили в злонамеренное тайное с ним общество, имевшее одинакую цель, не для чего, как только чрез сие злодейство приобресть мнимое себе счастье, дав на сие в сонмище своем клятву с твердым намерением следовать всем оного богомерзким замыслам, чем соделались ему до самого конца непоколебимыми; и когда Муравьев в сем злонамеренном своем обществе обнаружился, и по высочайшей воле посланы были из главной квартиры в Васильков два жандармские офицеры Несмеянов и Скоков взять его с братом отставным подполковником же Муравьевым, для доставления в Санктпетербург, а по случаю небытности их там полковой командир полковник Гебель отправился их преследовать и, достигнув в расположение 5-й мушкетерской роты в селение Трилесы, арестовал и хотел только с ними отправиться, то в сие самое время приехали они Соловьев и Сухинов туда с подобными им приверженцами Муравьева порутчиками Кузминым и Щипиллою, и узнав о их аресте дерзнули освободить их; а как сего им без поражения Гебеля учинить было не возможно, то из них сначала Щипилла и Кузмин, а потом и все вообще напав на него злодейским и бесчеловечным образом кололи его штыками и шпагою в живот, голову, и где только попало, дав ему множество ран, имея намерение и совсем лишить его жизни, есть ли б он не успел от них отбиться и уехать; а хотя из них Сухинов преследовал его, но встретившимся с ним рядовым Ивановым отбит и доставлен в ближайшую роту совершенно изувеченным. Затем, оставаясь при нем Муравьеве в повиновении, наиболее всех содействовали ему к возмущению Черниговского полка, сначала 5-й мушкетерской и 2-й гренадерской рот, а потом преклонили и другие 4 роты с их офицерами, одних лестию и обманом, а иных насильством; сверх сего при входе Муравьева в Васильков из них Соловьев выдя на плац уговаривал солдат не робеть, что уже полковник Гебель командиром их не будет, и что срок их службы сократится; а Сухинов, начальствуя, над отдельною толпою, и увидя вышедшего к ним навстречу командовавшего полком майора, что ныне подполковник, Трухина, окружил его с тою толпою, сорвал с него шпагу и эполеты и отправил на гоуптвахту, а бывших там арестантов освободил; и в тоже время обратился в квартиру полкового командира полковника Гебеля, скрывавшегося тогда от извергского их поиска, и отобрав знамена и полковой казенной ящик доставил к возмутителю и изменнику Муравьеву. Наконец, оба при выступлении с возмущенными ротами из Василькова присутствовали при чтении священником, сочиненного им Муравьевым, способствующего к возмущению, дерзновенного катихизиса, наполненного неизречен-

ными непристойностями, как в оскорбление освященной вашего императорского величества особы, так и в отношении спокойствия и тишины всего государства. Потом, последуя за ним же Муравьевым с намерением возмутить и прочие полки и роты, при первой встрече высланного противу их отряда, из них Соловьев тогда же взят с оружием в руках; а Сухинов бежал, и в сем бегстве составил фальшивый пашпорт с намерением укрываться, а может быть продолжать дальнейшие свои злоумышления, но тщанием начальства пойман и при том еще изобличился в составлении себе, при переходе из пехоты в кавалерию, ложного свидетельства; а потому обоих их барона Соловьева и Сухинова, как клятвопреступников, возмутителей, бунтовщиков, изменников и оскорбителей высочайшей власти, по силе уложения главы 2-ой статьи 1-й и воинских 19-го, 20-го, 127 и 135 артикулов, четвертовать.



Казненные декабристы. Рисунок А. С. Пушкина

2-е, подпорутчик Быстрицкий и прапорщик Мозалевский виновны в таковом же злодейском сообществе с возмутителем Муравьевым, из коих 1-й, приняв по поручению подполковника Трухина, под свое начальство командованную бароном Соловьевым роту, и придя в Васильков, узнал о последовавшем возмущении Муравьевым и прочих рот и о выступлении его с оными; но вместо того, чтобы ему обратиться к ближайшему своему начальству, – он в ту же минуту без всякого другого побуждения последовал и присоединился к Муравьеву в селении Мотовиловке, пробыв с ним до самого поражения, при котором был взят с оружием в руках, а 2-й – Мозалевской, при самом приходе Муравьева в Васильков с возмущенными ротами, не только не удалился от него, имея способ, но еще с крайним рачением вступив под начальство его, занял с бунтующею толпою на Богуславской заставе караул для задержания приезжающих в Васильков, где и действительно у приехавших туда жандармских двух офицеров Несмеянова и Скокова, оказанием им угроз: лишить жизни, есть ли бы они хотели противиться, отобрал бумаги и денег 1100 руб., кои и представил возмутителю Муравьеву, приходил с прочими к содержавшемуся на гоуптвахте подполковнику Трухину с заряженными пистолетами, и, наконец, по совету Муравьева облекся в пар-

тикулярное платье, и приняв несколько листов возмутительного катихизиса, с дерзскими изречениями, добровольно и с намерением отправился в Киев с одним унтер-офицером и тремя рядовыми передать оные кому случиться ко всеобщему возмущению, в чем, однако, не успев, при возвращении к возмутителю Муравьеву на дороге был захвачен; сверх того, зная о существовавшем в корпусе тайном обществе и бывших в оном злоумышленниках, не объявил начальству своему единственно из мнимого страха, чем самым учинили себя кроме нарушения верноподданнической присяги изменниками и оскорбителями высочайшей власти; а потому их Быстрицкого и Мозалевского, по силе вышеприведенных военных артикулов, четвертовать.

3-е. Бывшим во всем злодейском Муравьева намерении единомышленникам и сообщникам порутчикам Кузмину и Щипилле, также брату Муравьеву, находившемуся в их же шайке, квартирмейстерской части прапорщику Муравьеву-Апостолу, кроме участия их при последовавшем в Черниговском полку возмущении и способствования к привлечению солдат и к последованию за ними, состояли в тайном обществе злоумышленников, а первые два и в злодейском нападении на полкового своего командира полковника Гебеля с причинением ему многих ран, подлежало бы по основанию тех же законов учинить равномерную смертную казнь как Соловьеву и Сухинову, есть ли бы они были в живых, но как из дела явствует, что они во время поражения мятежников на месте убиты; то их исключить из списков как возмутителей, бунтовщиков, изменников и оскорбителей высочайшей власти, при чем на могилах их ни крестов, и ни каких памятников, приличных христианскому погребению, не сооружать, но по содержанию оглавления приговоров поставя виселицу и на оной к вечному их посрамлению прибить их имена.

Суд сей производством начат при главной квартире 1-й армии 1-го февраля, а кончен 30 марта сего 1826 года.

Презусом суда был начальник 3 пехотной дивизии генерал-майор Набоков. Все подсудимые содержатся под строжайшим арестом в городе Могилеве-Белорусском; из них же барон Соловьев, Сухинов, Быстрицкий и Мозалевский закованными в кандалах.

МНЕНИЕ.

Главнокомандующий 1-ою армиею генерал-от-инфантерии граф Сакен находит производство дела сего и осуждение каждого из подсудимых правильным и с законами согласным; но как по важности злодейства их, для предыдущего спокойствия и безопасности государства, закон и долг требуют наистрожайшего и примерного с ними поступления, то он, главнокомандующий, мнением полагает:

1-е, штабс-капитана барона Соловьева, порутчика Сухинова, подпорутчика Быстрицкого и прапорщика Мозалевского, из коих первых двух, бывших в злоумышленном тайном обществе, имевшем злодейское намерение к испровержению законной в государстве монаршей власти, способствовавших Муравьеву-Апостолу наиболее всех к нападению и поражению полковника Гебеля и к возмущению Черниговского полка, как и в других злодейских его предприятиях; а последних двух Быстрицкого и Мозалевского добровольно последовавших и присоединившихся к сему же изменнику Муравьеву – первой со всею своею ротою, с которою он на месте поражения был взят с оружием в руках; а второй вступлением в городе Василькове на Богуславскую заставу в караул для остановки проезжающих, главнейше же принятием от него Муравьева сочиненного им с дерзкими противу монаршей власти изречениями катихизиса, для доставления оного в Киев к произведению там подобного в войсках возмущения, с которым он и был также захвачен, – как клятвопреступников и оскорбителей вашего императорского величества высочайшей особы, по основанию учреждения о большой действующей армии, на месте при дивизии расстрелять.

2-е, сообщников их: порутчиков Кузмина, Щипиллу и брата Муравьева – квартирмейстерской части прапорщика Муравьева ж, убитых на месте поражения, но бывших с сим же

возмутителем в соединении и участвовавших во всех злодейских его предприятиях, согласно с приговором суда, из списков выключить, как изменников и оскорбителей высочайшей особы, на могилах их ни крестов и никаких памятников, приличных христианскому погребению, не сооружать, но там же на месте поставить виселицу к вечному их посрамлению, прибить под оною имена их.

Из послесловия кн. М. С. Волконского к запискам его отца

17 декабря 1825 года Высочайшим указом учреждена была Комиссия для изысканий о злоумышленных Обществах. Следствие было ею окончено и представлено Государю Императору 30 мая 1826 года.

Вслед за сим 1-го июня учрежден по Высочайшему Манифесту Верховный Уголовный Суд. В силу Высочайшего Манифеста, преданы Уголовному Суду: Северного Общества 61, Южного Общества 37 и Общества Соединенных Славян 23, всего 121 лицо.

Верховный Уголовный Суд, рассмотрев дело, представил в первых числах июля 1826 года всеподданнейший доклад, в котором пришел к следующему заключению: «*Все подсудимые, без изъятия, по точной силе наших законов, подлежат смертной казни.* И потому, если установлением разрядов в наказаниях благоугодно будет Вашему Императорскому Величеству даровать некоторым из них жизнь: то сие будет не действием закона, а тем менее действием Суда, но действием единого Монаршего милосердия; будет особенным изъятием, на сей токмо случай, по Высочайшему Вашему предназначению допускаемым. И хотя Милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов, но Верховный Уголовный Суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления столь высокие, и с общею безопасностью Государства столь смежные, что самому Милосердию они, кажется, должны быть недоступны». По сим соображениям суд большинством голосов определил следующие положения о казнях и наказаниях: «Смертную казнь четвертованием; смертную казнь отсечением головы; положением головы на плаху и потом ссылку в вечную каторжную работу; тоже на определенное время и потом вечно на поселение; вечную ссылку на поселение; вечную ссылку в Сибирь; написание в солдаты с выслугою; во всех сих случаях с предварительным лишением чинов и дворянства». Сделав сии положения о казнях и наказаниях, Суд разделил подсудимых на одиннадцать разрядов, поставив 5 из них, приговоренных к четвертованию, вне разряда.

На этот доклад Верховного Уголовного Суда последовал 10 июля 1826 г. Указ, которым смягчались некоторые из постановленных судом наказаний; между прочим, преступникам 1-го разряда, смертная казнь заменялась вечною каторжною работою. Что касается наказания лиц, поставленных вне разрядов, то тем же Высочайшим Указом оно было передано решению Верховного Уголовного Суда и «тому окончательному постановлению, какое о них в сем Суде состоится». В силу сего суд постановил: «пяти лицам, вместо мучительной смертной казни четвертованием, приговором Суда определенной, сих преступников повесить».

13 июля, по выслушании протокола Верховного Уголовного Суда от 11 июля и означенного Именного Высочайшего Указа 10 июля о пощадах, последовал о сем Указ Правительствующего Сената и одновременно объявлен Высочайший, по сему предмету, Манифест. ‹…›

13-ое июля было днем исполнения приговора.

На рассвете, все осужденные были выведены на крепостную площадку, где, в средине большого каре из нескольких шеренг разного оружия, они в первый раз свободно свиделись и могли сообщить друг другу содержание приговоров. Не было только пятерых, осужденных на смертную казнь. Каждый из осужденных должен был стать на колени, над головой его ломалась шпага, а мундир и ордена бросались в приготовленные тут же костры для сожжения, и затем, одетые уже в арестантские халаты, осужденные были разведены по своим тюрьмам. Вслед затем был приведен в исполнение и смертный приговор.

Не касаясь вопроса о том, насколько прав закон, когда, лишая осужденных чинов, орденов и дворянства, он отнимает титул у того из них, кому титул не пожалован по Грамоте, а

принадлежит роду по историческому его происхождению и составляет неотъемлемую часть самого имени, – мы будем далее называть автора «Записок» именем, оставленным ему судебным решением.

Чрез несколько дней началась высылка приговоренных в места заключения и ссылки, им предназначенные.

17-го июля начальник Главного col1_0 сообщил военному министру, что Высочайше повелено преступников разослать по назначению, причем сообщил и порядок их высылки; при этом, между прочим, сказано:

«Из числа приговоренных в каторжную работу, 8 человек, а именно: Сергея Трубецкого, Евгения Оболенского, Артамона Муравьева. Василия Давыдова, Якубовича, Сергея Волконского, Борисова 1-го и Борисова 2-го отправить немедленно закованными в двух партиях, имея при каждом преступнике одного жандарма и при каждых четырех одного фельдъегеря, в Иркутск к Гражданскому Губернатору Цейдлеру, коему сообщить Высочайшую волю, дабы сии преступники были употребляемы, как следует, в работу и поступлено было с ними во всех отношениях по установленному для каторжников положению, чтобы он назначил, для неослабного и строгого за ними смотрения, надежного чиновника, за выбор коего он ответствует, и чтобы он о состоянии их ежемесячно доносил в собственные руки Его Величества чрез Главный Штаб».

Часть вторая. После восстания

Чувства чистой совести достаточно для смерти. Чувство нравственного достоинства необходимо для жизни.
Н. Тургенев

Глава первая

1

14 декабря 1825 года в пятом часу пополудни, когда совсем уже смеркалось, император Николай Павлович решился наконец отдать приказ о стрельбе картечью по боевым порядкам мятежников.

«Первая пушка грянула, картечь рассыпалась; одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фрунта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонн сенатского дома и на крышах соседних домов. Разбитые оконницы зазвенели, падая на землю, но люди, слетевшие вслед за ними, растянулись безмолвно и неподвижно. С первого выстрела семь человек около меня упали: я не слышал ни одного вздоха, не приметил ни одного судорожного движения – столь жестоко поражала картечь на этом расстоянии. Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Другой и третий повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места. Я стоял точно в том же положении, смотрел печально в глаза смерти и ждал рокового удара; в эту минуту существование было так горько, что гибель казалась мне благополучием».

Так писал Николай Бестужев.

Вечером 14 декабря им казалось, что жизнь кончена. И не только потому, что им грозила смерть. А потому еще, что дело, ради которого они жили, было расстреляно картечью с расстояния в сто шагов.

Им казалось, что все кончено. Но они ошиблись.

Начиналась другая жизнь. Быть может, не менее славная, чем прошедшая.

Начинался путь страданий и борьбы. Борьбы не менее жестокой, чем та, которую они вели прежде. Борьбы за сохранение в себе человека. Борьбы за сохранение в себе духа действия, который столь ярко отличал их.

2

В ночь на 15 декабря 1825 года двадцать солдат лейб-гвардии Павловского полка вошли в дом графа Лаваля на Английской набережной.

С ними был флигель-адъютант князь Голицын. Он должен был руководить обыском и изъять все бумаги зятя хозяина дома и вообще все подозрительные документы.

Вряд ли кто-нибудь в Петербурге мог предположить, что этот дом когда-либо подвергнется вторжению вооруженных гвардейцев.

Хозяин дома – граф Лаваль, – действительный статский советник, церемониймейстер двора его величества, оказавший крупные услуги Людовику XVIII перед его возвращением во Францию в 1815 году и получивший от него графский титул, был человеком известным, уважаемым и вполне лояльным.

Хозяйка дома, графиня Александра Григорьевна, урожденная Козицкая, принесшая мужу огромное приданое, была женщиной незаурядной. Она приятельствовала со знаменитой мадам де Сталь. А Джон Адамс, первый американский посол в России и будущий президент Соединенных Штатов, писал о ней: «Эта леди кажется мне самой приятной, интеллигентной и достойной уважения русской женщиной, которую я знал».

Лавали в ту ночь ночевали у сестры графини – княгини Белосельской-Белозерской.

Солдаты Павловского полка, мерцая штыками в полутьме пустого дома, шли по комнатам, в которых бывали Пушкин и Вяземский, в которых Карамзин читал «Историю государства Российского». Павловцы шли по комнатам, по которым ходили самые замечательные люди России тех лет.

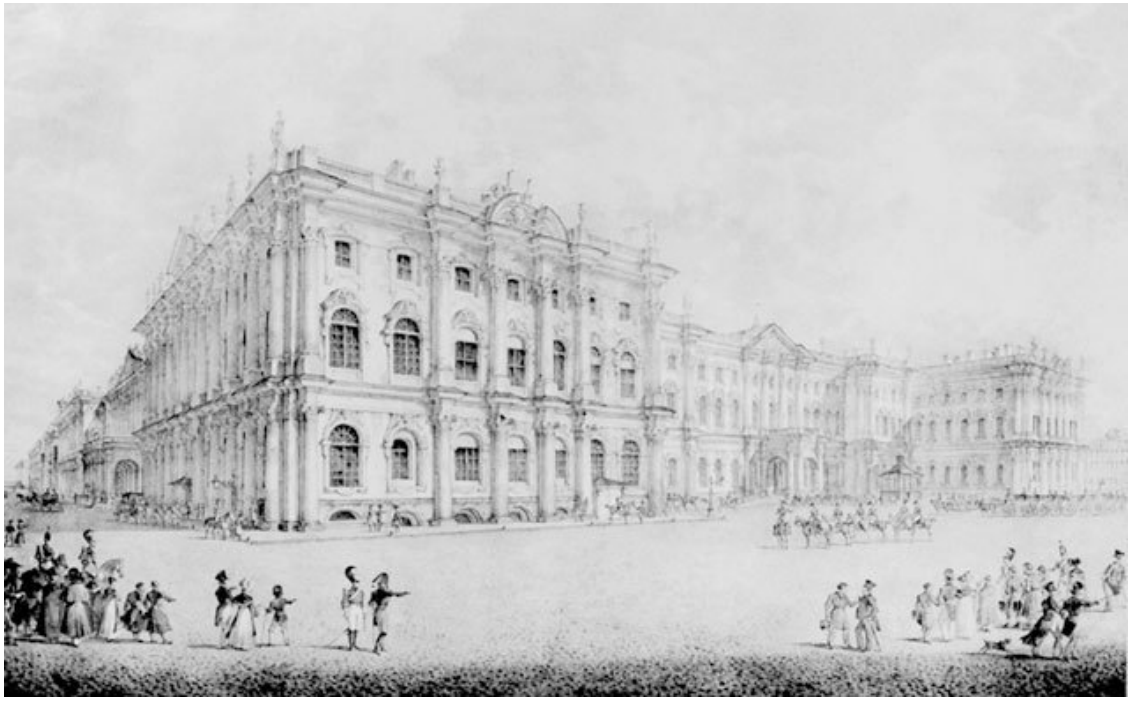
Они шли мимо картин старых итальянцев. Они грохотали каблуками по мраморным плитам, вывезенным с Капри, из дворца императора Тиберия.

На мрачных солдат, затянутых в зеленые мундиры, смотрели двухтысячелетние римские статуи и древние греки, нарисованные на вазах, которым было две с половиной тысячи лет.

Но солдат лейб-гвардии Павловского полка это не интересовало. Они искали кабинет князя Сергея Петровича Трубецкого, женатого на дочери Лавалей Екатерине.

Сам Трубецкой был уже арестован в доме австрийского посла Лебцельтерна, женатого на другой дочери Лавалей.

Кабинет нашли. Но все ящики бюро были заперты. Их пришлось вскрывать штыками.



Зимний дворец. Литография К. П. Беггрова. 1820-е гг.

В конце концов в одном из взломанных ящиков был обнаружен бумажник, а в бумажнике документ.

«Спаси Господи люди Твоя и благослови достояние Твое!

В манифесте Сената объявляется:

1. Уничтожение бывшего Правления.
2. Учреждение временного до установления постоянного, выборными.
3. Свободное тиснение, и потому уничтожение Цензуры.

4. Свободное отправление богослужения всем верам.

5. Уничтожение права собственности, распространяющейся на людей.

6. Равенство всех сословий перед Законом, и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

7. Объявление права всякому гражданину заниматься, чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как то земли, дома в деревнях и в городах. Заключать всякого рода условия между собой, тягаться друг с другом перед судом.

8. Сложение подушных подателей и недоимок по оным.

9. Уничтожение Монополий…

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военной для нижних чинов, и определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от Гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские».

Это был набросок программы, на основе которой заговорщики собирались перестраивать жизнь России…

Если бы Николай Иванович Тургенев, старый член тайного общества, дальновидный политический мыслитель и фанатический противник крепостного права, увидел этот манифест, он узнал бы многие свои мысли.

Но Николай Иванович, путешествовавший в то время по Европе, готовился к переезду из Парижа в Лондон, он ни о чем не знал, и если бы ему сказали, что в то время, когда он, засидевшись допоздна у камина, читает французский роман, в Петербурге, в кабинете его друга князя Сергея Петровича Трубецкого взламывают штыками бюро, – он бы с трудом поверил.

Копия с формулярного списка о службе Полковника Лейб Гвардии Преображенскаго полка князя Трубецкого

Во время службы своей в похо дах и в делах против непри теля где и когда был, также какие награды за отличие в сра жениях и по службе удостоился получить.

1812 года во время всей ретирады от города Вильны до села Бородина, где августа 24 и 25 находился в резерве, а 26 в действительном сра жении, Октября 6-го при разбитии неприятельскаго корпуса при селе Тарутине 11-го под городом Малым Ярославцом 813-го по вступлении Российской армии в Пруские вла дения при переходе чрез реки: Не ман, Вислу, Одер и Эльбу, Апреля 20-го в Генеральных сражениях: Саксонского владения при городе Люцине в действительном мая 8 и 9-го при Бауцине, за что и на гражден Орденом С-я Анны 4 класса при вступлении Российских войск в Богемию и при переходе чрез Дифилей Гизчюбель и Голенберг в Саксонии, Августа 16 при городе Пирно и при ретираде чрез Дефилей Гизчюбель и Голенберг в действительных сражениях Авгу ста 17 при удержании неприятельского корпуса Генерала Вандама под Кульмом и 18 при разбитии оного корпуса в действительном сражении за что и награжден Орденом С. Вла димира 4-й степени с бантом Прус ким за заслуги и знаком железного Креста, Октября 4 при городе Лейбциге, где и ранен

ядром в ляшку; а 1823 года Декабря 12 дня за отличную службу и труды награжден орденом Св. Анны 2-й сте пени.

Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли.

По-российски, по-французскии, по-немецкии и по-английски читать и писать, Математику, Географию, Историю и Рисование знает.

В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время, и явился ли на срок.

Не бывал.

В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда.

Не бывал.

Холост или женат, и имеет ли детей.

Женат на дочери Тайного Советника Графа Лаваля, Катерине Ивановой.

В комплекте или сверх комплекта, при полку или в от лучке, где именно, по чьему повелению и с которого вре мени находится.

Дежурным Штаб офицером 4-го пехотного корпуса.

ТРУБЕЦКОЙ, князь Сергей Петров. Полковник, дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса.

Был в числе основателей тайного общества, имевшего целию изменение государственного правления. Сносился с членами Южного общества о введении республикан ского правления, но решительного образа мнения не объявлял. Сообщением в 1817 году Александру Муравьеву нелепых слухов о возвращении будто бы Польше приобретенных от ней губерний возбудил Якушкина к решению на цареубийство. Знал как о намере ниях Якубовича и обществ Южного и Соединенных славян покуситься на жизнь покой ного императора, так и о положении истребить священных особ царствующего дома. Ему известно было о сношениях Польских обществ с Южным и о предположении сего последнего открыть действия свои в 1826 году. Одобрял сие, изъявлял готовность содействовать и все устроить в Москве и Петербурге. Увеличенным изображением силы Южного общества подал повод решительнее приступить к возмущению на севере. При сем случае был избран Директором, и все члены обязались безусловным ему повиновением. Вследствие сего он составлял планы для действия, в коих полагал внушить в солдатах сомнение к отречению цесаревича, возбудить их к мятежу, вооруженною силою заставить Сенат объявить манифест о собрании депутатов, учреж дении Временного правления и арестования императорской фамилии, так же занять дворец и крепость. Планы сии сообщил он к исполнению своим сочленам, и сообразно оным было решено действовать 14-го декабря. На одном из совещаний, которые происходили при нем и по его назначению, говорил о необходимости истребить ныне царствующего императора.

По приговору Верховного уголовного суда осужден в каторжную работу вечно. Высочайшим же указом 22-го августа повелено оставить его в каторжной работе 20 лет, а потом обратить на поселение в Сибири.

3

5 января 1826 года. На Юге все уже было кончено, но в Зимнем дворце этого еще не знали и в тревоге ждали известий.

Император Николай писал брату Константину в Варшаву: «Только что полученное мною известие о возмущении Черниговского полка Муравьевым-Апостолом в момент, когда его должны были арестовать, заставляет меня, не откладывая, сообщить Вам, дорогой Константин, что я отдал 3-й корпус под Ваше командование, о чем я уже написал Сакену. Я уполномачиваю Вас принимать все меры, которые Вы найдете необходимыми, чтобы помешать

развитию этого зародыша мятежа, Вы можете, следовательно, двинуть все войска Ваших двух корпусов, которые сочтете необходимым употребить в дело, уведомив главнокомандующего, дабы он, со своей стороны, мог урегулировать движение своей армии. Я желал бы избежать вступления польской армии в Россию, разве только это станет необходимым.

Главнокомандующий принял нужные меры; я не могу сказать того же о Щербатове: он упустил драгоценное время, и я, принимая во внимание направление, взятое Муравьевым, не могу не опасаться, как бы Полтавский полк, командуемый Тизенгаузеном, который еще не арестован, а также Ахтырский гусарский и конная батарея, командиры которых тоже должны были быть арестованы, не присоединились к восставшим. Князь Волконский, который поблизости, если он еще не арестован, вероятно присоединится к ним. Таким образом наберется от 6000 до 7000 человек, если не окажется честных людей, которые сумеют удержать порядок».

Из показаний арестованных заговорщиков Николай уже представлял себе масштабы деятельности южан. При благоприятных условиях южане могли рассчитывать на несколько десятков тысяч штыков и сабель.

Он понимал, что даже если ограничиться тремя полками и князем Волконским, то дело пахнет не шестью-семью тысячами. Волконский, бригадный генерал, в тот момент замещал командира дивизии. Дивизия была в его руках. Он писал о шести-семи тысячах, чтобы не очень взволновать Константина.

Итак, многотысячный отряд инсургентов – пехота, кавалерия, артиллерия. Во главе – талантливый боевой генерал князь Волконский, герой наполеоновских войн, любимый солдатами. С ним несколько штаб-офицеров с военным опытом. Это на первый случай. И нет никакой гарантии, что войска, посланные на усмирение, не перейдут под знамена Волконского.

Развитие событий трудно было предсказать. Во всяком случае выглядело оно весьма угрожающе.

И для того, чтобы понять поведение Николая в последующие два года, о которых и пойдет у нас речь, надо помнить, что в начале 1826 года, разгромив уже восстание в Петербурге, император оказался лицом к лицу с новым возмущением, которое было чревато самыми серьезными последствиями.

Красноречива фраза из письма Николая Константину: «Я желал бы избежать вступления польской армии в Россию, разве только это станет необходимым». Это могло стать необходимым только в случае восстания против императора большей части 1-й армии, в состав которой входил мятежный Черниговский полк. Николай, как видим, считал это возможным.

Надо сказать, что такие настроения были и у Константина. За три недели до событий на Сенатской площади Константин беседовал в Варшаве со своим родственником принцем Евгением Виртембергским. Принц Евгений так писал об этом разговоре: «В Варшаве великий князь Константин Павлович, по обычаю своему, воевал с призраками. Он насказал мне ужасов о мятежном настроении русских войск и в особенности гвардии.

– Стоит кинуть брандер в Преображенский полк, и все воспламенится, – были подлинные его слова.

– Своих я держу крепко, – заметил он при этом, – потому в них я уверен.

…Великий князь, поручая мне поговорить об этом предмете с государем, наказывал непременно прибавить, что в поляках своих он вполне уверен».

Такова была расстановка сил в тот момент, по мнению Николая и Константина: готовая к возмущению русская армия и верные престолу польские войска.

Пройдет пять лет, и Константину придется бежать из мятежной Варшавы, а Николаю – вести трудную многомесячную войну, чтобы разгромить ту самую польскую армию, на помощь которой он рассчитывал.

Копия с формулярного списка о службе Генерал Маиора Князя Волконскаго

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить.

В течении войны 1806 года противу французских войск тогож года в старой Пруссии прибыл [в] Армию, где назначен к исправлению должности Адьютанта при Генерал фельдмаршале графе Каменском в декабре м-це и находяся в таковом же звании при Генерал Лейтенанте графе Остермане Толстом был в действительных сражениях 806 года декабря 12 под М, Касельском 13 под М. Стрягоченым 14 в Генеральном сражении под Г. Пултуском и получил Всемилостивейшее награждение ордена Св. равноапостольнаго Кн. Владимира 4 степени с бантом.

1807 года в таковой же должности находился в действительных сражениях 21, 22 Ген вара при С. Янкове 25 в Ариергардном деле при С. Гоффс и при Г. Лантцберге 26 и 27 в Генеральном сражении при Г. Прейш-Элау где ранен был пулею в бок и удостоин на граждением золотого знака отличия за сие сражение установленного в том же году исправляя должность Адьютанта при Главнокомандующем заграничною Армиею Генерал от Кавалерии бароне Бенигсене. Был в сражениях 24 Маия при С. Волерздорф 25 при С. Дипоне, Ландорфе 23 в Генеральном сражении под Г. Вельзбергом и 2 числа Июня в Генеральном сражении под Г. Фридландом и Всемилостивейше награжден золотою шпагою с надписью за храбрость и Высочайшим благоволением в высочайшем приказе объявленном при заключении же мира находился в обратном походе от Тильзета в Российския пределы. 1810 года находясь при Главнокомандующем Задунайскою Армиею генерал от Инфантерии графе Каменском 2 с 24 апреля находился в Городе За Дунаем и был в сражениях противу турок находяся при графе Ланжероне, с 24 по 30 маия при обложении бомбандировании и покорении крепости Силистрии. При Главнокомандующем Задунайскою Армиею 11 и 12 Июня под Г. Шумлою и во многих других делах при сей крепости равно и в отдельном отряде Генерал Лейтенанта Воинова. В экспедиции к балканским горам в сражении при Эскистамбуле при Главнокомандующем Июля с 9 при блокаде и осаде крепости Рущука Августа 26 в Генеральном сражении при разбитии и истреблении сорока тысячнаго Турецкаго Кор пуса близ С. Батина и вновь при осаде кре пости Рущука до 8 сентября 1810 года.

1811 года в звании флигель адьютанта его императорскаго величества находился при Главнокомандующем Задунайскою Армиею генерал от Инфантерии Голенищеве Кутузове был в действительных сражениях 25 и 27 августа 7, 10, 17, 23 и 25 сентября в сражении при Д. Малой Слободзеи 1 октября в корпусе генерала лейтенанта Маркова при переправе онаго за Дунай и 2 октября в сражении при занятии Визерьского лагеря и всемилостивейше награжден высочайшим рескриптом монаршаго благоволения.

1812 года во время отечественной компании находился при Государе императоре в звании его флигель адьютанта от открытия военных действий до отбытия его в столицу был в действительных сражениях во 2-й Западной Армии при С. Могильно и Дашкове в летучем отряде генерала лейтенанта барона Винценгероде 28 июля под Г. Пареньем 1 августа при Г. Усвяте 7 при Г. Витебске 31 при Звенигородке 2 сентября у защищения реки Москвы при С. Орешове 20 октября под Г. Дмитровым удостоин высочайшим награждением за отличье в сражении чина полковника 14 числа августа находяся в летучем отряде генерала адъютанта Голенищева Кутузова был в действительных сражениях при поражении 4 корпуса французских войск на переправе при реке Вопле в сражении при Г. Духовщине и под Смоленском а откуда был отправлен с партизанским отрядом и действовал по правой стороне большой белорусской дороге между Оршей и Толочным и от крыл при городе Череге коммуникацию

между Главною Армиею и корпусом генерала от ка валерии графа Витгенштейна ровно был в деле на переправе неприятеля чрез реку Березину и в преследовании его от Лепеля чрез Вилейку до Г. Вильны за сие сражение награжден орденом св. Владимира 3-й степени.

1813 года исправляя должность дежурнаго по корпусу генерал Адъютанта барона Винценгероде находился с оным в заграничном походе и был в действительных сражениях 2 февраля под Г. Калишем и всемилостивей ше награжден орденом Св. великомученика и победоносца Георгия 4 класса 16 и 18 апреля в Ариергардных делах при Г. Вейсенфельде 19 при С. Штарзиден и 20 при Генеральном сражении у Г. Люцына в Ариергардных делах от Г. Люцын до переправы российских войск чрез реку Эльбу всемилостивейше награжден орденом св. Анны 2 класса алмазами украшен ной и Прусскаго пурлемерита 1813 года во время перемирия пои вступлении российско императорских войск под начальством Генерал Адьютанта Винценгероде в составе Армии в Северной Герм[ан]ии и со стоящей под личным предводительством его королевскаго высочества крон принца Шведскаго Карла Иогана исправлял должность дежурнаго по корпусу российских императорских войск был в действительных сражениях августа 11 в генеральном сражении в 5 верстах от Берлина при Грось-Бернь 14 и 16 в овангардном деле при Л. Ютербоне 22 при С. Грабе 24 при выгнании неприятеля из укрепленного лагеря под Г. Виттенбергом 25 в генеральном сражении при Г. Денивице 26 и 27 при преследовании неприятеля до крепости Торгау всемилостивейше награжден за отличие в сражении чином генерал маиора и королевско-Шведским орденом военнаго меча для ношения в петлице октября 5, 6 и 7 в ге неральном сражении при Г. Лейпциге и все милостивейше награжден орденом Св. Анны 1-й ст. и командором империторско королев ско Австрийского Леопольда от Г. Лейпцига и преследовании неприятеля до Г. Кассела за что получил Курфирстшнаго Гессенкасель скаго за достоинство и от толь в Г. Бремена из онаго находился в походе чрез Оснабрюк Нюкстер в Дюсельдорф на Рейне.

1814 года Генваря 12 в сражении при переправе под Г. Дюсольдорфом чрез реку Рейн 2 февраля при штурме и покорении укрепленнаго города Суасона 22 в сражении при М. Краоне, 25 и 26 в генеральном сражении при Г. Лионе всемилостивейше на гражден орденом королевско Прусского Красного Орла 2 класса.

1815 года находился в заграничном походе апреля с 13-го в Галиции, Моравии, Снлезии, Богемии, Баварии за Рейн во Францию и чрез Г. Вейсенбург, Наисе-Провен в столичный Г. Париж а оттуда обратно чрез Францию, Германию и Царство Польско[е] по 30 декабря тогож года в российские пределы.

Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли.

По российски, французски и немецки читать и писать, математики, фортификации и географии.

В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое врема, и явился ли на срок.

По высочайшему приказу 27 июля 1818 года уволен в отпуск до излечения болезни. По высочайшему приказу 14 маия 824 на 4 м-ца.

В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда.

Не бывал.

Холост или женат, и имеет ли детей.

Не бывал.

В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится.

Ныне состоит по Армии.

К повышению достоин, или за чем именно не аттестуется.

Аттестовался достойным.

ВОЛКОНСКИЙ, князь Сергей Григорьев. Генерал-майор, бригадный командир 19 пехотной дивизии.

Принят в Союз благоденствия в 1820 году, а по уничтожении оного присоединился к обществу на юге. Участвовал в совещаниях в Киеве в 1822 и в 1823 и в деревне Каменке, где согласился как на введение республиканского правления, так и на истребление всех особ императорской фамилии. Будучи приглашаем к участию в злоумышлении при Бобруйске (1823), он отказался. В 1823 и в 1824 годах, троекратно бывши С.-Петербурге, он имел поручение открыть сношения с Северным обществом, стараться соединить оное с Южным и направить к одной цели; причем некоторым членам открыл о преступных намерениях своего общества. Возвратясь в 1824 году с Кавказа, он представил Директории о мнимом существовании тайного общества в Кавказском корпусе. В 1825 году он участвовал в переговорах с депутатами Варшавской Директории, и на него возложено было сноситься о важных происшествиях; а по поручению Пестеля он ездил в Бердичев видеться с каким-то польским генералам, коего, однако, там не нашел. Он советовал отклонить предложение графа Витта о вступлении в общество. Слышал о предположении начать возмутительные действия в 1825 году покушением на жизнь покойного императора при смотре 3-го корпуса и в 1826 году, овладев Главною квартирою 2 армии. В день проезда генерал-адъютанта Чернышева через Умань, писал к Пестелю, что он начал приготовлять 19 дивизию принятием членов, но при допросе в Комиссии уверял, что писал сие во избежание упреков за недеятельность. Пестель, при самом арестовании его, успел сказать вол конскому, чтобы спасали «Русскую Правду», о чем он сообщил Юшневскому и уведомил многих членов об открытии общества. Сверх того он имел поддельную печать председателя полевого аудиториата для раскрытия пакета по следственному делу о родственнике его Михаиле Орлове. При всем том, он отказался от сделанных ему приглашений, как от принятия участия в злоумышлении при Бобруйске в 1823 году, так и по открытии общества (в 1825 г.) начать возмущение с 19-ю дивизиею, в которой, несмотря на то, что был начальником Каменской управы, не действовал ни на привлечение к обществу, ни на приготовление подчиненных своих к цели оного. В ответах был чистосердечен.

По приговору Верховного уголовного суда осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжную работу на 20 лет. Высочайшим же указом 22-го августа повелено оставить его в работе 15 лет, а потом обратить на поселение в Сибири.

4

3 января 1826 года. Все было кончено.

Поручик Сухинов сидел, прислонившись спиной к холодной, обшитой неструганными досками стенке погреба. Ему было холодно, но холод успокаивал его. Он знал, что будущего у него нет. У него теперь было только прошедшее.

Он смотрел в черную и плоскую темноту погреба и жил тем, что случилось час назад.

Когда он увидел эскадроны гусар на пригорке и два орудия, которые разворачивались стволами навстречу черниговцам, он понял, что это его последнее сражение. Он понял, что дело, ради которого они с Муравьевым трудились, проиграно и жить больше не для чего. Он ни секунды не верил, что гусары и артиллеристы присоединятся к ним.

Он видел теперь, в погребе, яснее, чем тогда, на зимней дороге, как Муравьев, ехавший сбоку колонны, спрыгнул с коня, вынул шпагу и, показывая ею, стал отдавать неслышные ему, Сухинову, приказания. Сухинов был с арьергардом.

Муравьев выслал стрелков на фланги и вместе с Бестужевым и братом Матвеем быстро пошел впереди колонны. И Сухинов понял, что Муравьев хочет под прикрытием огня стрелков взять орудия в лоб.

Потом беглым шагом идущая колонна заслонила Муравьева, началась пальба картечью, и уже когда полк рассыпался и побежал, кто-то крикнул, что Муравьев убит. После этого Сухинов бросил свои попытки остановить и построить солдат. Тем более что гусары уже шли на них галопом…

Потом он оказался на берегу озера, затянутого тонким льдом, и вступил на этот скрипящий и гнущийся лед вместе с несколькими солдатами. А у самой кромки гусары сдерживали коней, не решаясь пустить их на лед, и, ругаясь, кричали бегущим, чтоб они вернулись…

И вот теперь он сидел в погребе у какого-то мужика, который сразу же согласился его спрятать. А по деревне рыскали гусары.

Он был совершенно спокоен и понимал, что ждать больше нечего. Он сунул руку за борт шинели, достал пистолет, упер его в грудь слева.

Он нажал спуск. Курок лязгнул. Вспыхнул порох… Выстрела не было.

Он бросил пистолет. Посидел минуту неподвижно. Достал второй. Упер в грудь слева и нажал курок. Вспышка. Осечка.

Тогда он быстро встал и швырнул второй пистолет в солому, на которой только что сидел…

Остальных черниговских офицеров в это время привезли в Трилесы. Матвей Муравьев-Апостол писал потом: «В Трилесье нас поместили в корчму, приставив к нам караул из Белорусских гусар. У брата рана не была перевязана и нечем было перевязывать. Вещи наши, и белье, и прочее, расхищено гусарами.

Наступила ночь, подали огонь. Кузьмин, лежащий на соломе против меня, просил меня подойти к нему. Я ему указал на раненую голову брата, лежавшую на моем плече. Кузьмин с видимым напряжением подполз ко мне, передал рукопожатье, по которому Соединенные Славяне узнавали своих, простился дружелюбно со мной, дополз до своей соломы и тут же, лежа, застрелился из пистолета, спрятанного в сюртучном рукаве у него. Кузьмин скрыл от нас полученные им две картечные раны, одну в бок, другую в левую руку…

От выстрела, сделанного Кузьминым, с братом повторился обморок, которому он уже несколько раз до того подвергался, вследствие потери крови из неперевязанной раны.

Утром 4-го января 1826 года рану перевязали, подали сани; приготовлен был конвой из Мариупольских гусар, чтобы отвезти нас в Белую Церковь…

Меня посадили в сани вместе с раненым братом. Дорогою мы утешали себя мыслью, что и в Сибири, где бы мы ни были брошены, мы будем неразлучно вместе. Молодой Мариупольский гусарский офицер, который был посажен на передке наших саней, без вызова на разговор с нашей стороны, заговорил о своем и своих сослуживцев сочувствии нам…»

Утром 4 января 1826 года Сухинов был уже далеко от Трилес.

Копия с формулярного списка о службе Черниговского пехотного полка Подполковника Муравьева-Апостола

Во время службы своей в похо дах и в делах против непри теля где и когда был, также какие награды за отличие в сра жениях и по службе удостоился получить.

1812-го года под Начальством Инженер Генерал-Маиора Ивашева находился в действительных сражениях июля 11-го 12-го 13 Числ под городом Витебском Августа 24, 25, 26, при селе Бородине Октября 6-го при Селе Тарутине 12-го под Городом Малом Ярославцем отделен в Отряд Генерал Адьютанта Графа Ожеровского и находился в Сражениях 3, 4, 5 и 6-го ноября под Красным за что и награжден Золотою Шпагою с надписью за храбрость при взятии Могилева и переправе чрез реку березу за компанию 1812 года произведен в Порутчики и награжден Орденом Св. Анны 4-го класса 813-го Года Апреля 20-го при Городе Люцыне, за что награжден Орденом Св. Влади мира 4-й Степени с Бантом маия 7, 8 и 9 при

Городе Бау цыне и за отличие в сем деле, произведен в Штабс Капитаны Октября 4-го и 6-го при Городе Лейбциге за от личие в Сражении произведен в Капитаны 1814 года нахо дился при Генерал от Кавалерии раевском и был в действительных Сражениях Под Провен Марта 8-го при Арсен-роб 13-го под Фершемпенуазом 17-го банда 18-го при Городе Париже за что награжден Орденом Св. Анны 2-го класса откуда обратно в пределы россии с Гренадерским Корпусом под Начальством Генерал Лейтенанта паскевича чрез город вертербург, авле-берлин, берлин и Тилзит.

Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли.

По-российски, по-французски и по-немецки. Математике, фортификации, тактике и рисованию планов.

В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время, и явился ли на срок.

1820-го года с 22 Генваря по 1-е Апреля того же года, на срок явился.

В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда.

Не бывал.

Холост или женат, и имеет ли детей.

Холост.

В комплекте или сверх комплекта, при полку или в от лучке, где именно, по чьему повелению и с которого вре мени находится.

В комплекте и 31-го числа Декабря 825 года выступил с бунтующими ротами.

К повышению достоин, или за чем именно не аттестуется.

За возмущение Черниговского пехотного полка не достоин.

МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ, Сергей Иванов. Подполковник Черниговского пехотного полка.

Вступил в Общество при начальном основании. Знал о совещании, когда вызывался Якушкин покуситься на жизнь государя, но не одобрял и письменно доказал совещавшимся бесплодность их предприятия. Участвовал в совещании Коренной думы, где было принято республиканское правление. После объявленного уничтожения Союза благоденствия присоединился в 1822 году к обществу, преобразованному на юге, и начальствовал над Васильковскою управою. Участвовал в совещаниях в Киеве и в деревне Каменке у Давыдова, на коих определено было о введении республики посредством революции. Хотя сначала он отвергал изведение государя и всего царствующего дома, но впоследствии на сие согласился. Он с Бестужевым-Рюминым открыл первые сношения с Польским обществом. В 1823 году при Бобруйске составлял заговор остановить государя и возмутить дивизию. В 1824 на контрактах в Киеве предлагал о начатии возмущения и показывал решительную к тому готовность; а в лагере при Белой Церкви участвовал опять в заговоре начать революцию покушением на жизнь государя. В начале 1825 года возобновил таковое же предложение и усугубил деятельность в приготовлении к тому средств. Послаблением на службе и пособиями в нуждах старался привязать к себе нижних чинов Черниговского полка; в лагере при Лещине собирал к себе солдат и других полков, из бывших семеновских, возбуждал в них неудовольствие к начальству и, раздавая им деньги, поощрял к возмущению. Там же открыл Общество соединенных славян и, вспомоществуемый Бестужевым-Рюминым, присоединил оное к Южному; возбуждал в членах мятежный дух; уверял о согласии гвардии и армии на введение перемены правления в государстве; склонял содействовать при перевороте, а некоторых согласил при начатии возмущения лишить жизни государя императора. В продолжение лагеря неоднократно участвовал в таковых злоумышлениях, причем намеревались послать несколько человек в Таганрог для цареубийства и, наконец, определили открыть революцию непременно в 1826 году. Тут по требованию его дана клятва в непреложном исполнении их намерения. О сем решении при отъезде Трубецкого в С.-Петербург поручил сообщить Северному

обществу, чтобы оно приняло свои меры. В ноябре на извещение Пестеля об опасности, угрожающей обществу, отвечал, что он готов к возмущению, как скоро будет нужно. В то же время провозглашен третьим директором Южного общества. 27-го декабря, услышав в местечке Любаре об арестовании бумаг его, согласился на предложение брата своего застрелиться, но, будучи удержан Бестужевым, отправился к своему баталиону и произвел возмущение Черниговского полка. На марше возмутителей слышал предложение Бестужева в случае неудачи пробраться в С.-Петербург и покуситься на жизнь государя. Будучи окружен отрядом гусар и артиллериею, он защищался, став против самой артиллерии, и, повергнутый картечью на землю, с помощью других сел опять на лошадь и приказывал идти вперед. Он был одним из деятельнейших по обществу, которому доставил многих членов.

По приговору Верховного уголовного суда 11-го июля 1826 года повешен 13-го числа.

Стрелка Васильевского острова и Петропавловская крепость. Акварель. 1820-е гг.

МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ, Матвей Иванов. Отставной подполковник.

Вступил в общество в 1817 году. Участвовал в совещании, когда Якушкин вызвался на цареубийство. Знал цель – введение республики с истреблением всех особ царствующего дома. По поручению Южной Директории (в 1823 году) отправлялся в С.-Петербург для открытия сношений с Северным обществом и возбуждения в членах более рвения, стараясь соединить оба общества. Пестель говорил ему о намерении составить вне общества особенную партию для истребления императорской фамилии. Он сам (в 1824), не получая долго писем от брата и полагая его захваченным, а общество открытым, замышлял покуситься на жизнь государя, о чем сообщал некоторым членам, склоняя их на содействие к тому. Принял на себя поручение уговорить Трубецкого действовать на 4-й корпус, стараться склонить Северное общество к соединению и объявить о решительном намерении начать возмущение в 1826 году. Услышав в Любаре, что его самого и брата его велено взять, он решился застрелиться и предлагал брату то же сделать. Отверг предложение Бестужева-Рюмина отправиться в С.-Петербург для покушения на жизнь ныне царствующего императора, а при объявлении ему с братом его ареста, когда два офицера Черниговского полка ранили полковника Гебеля, он успел удержать одного от дальнейшего неистовства. Он увлекся за братом в Васильков и участвовал в возмущении Черниговского полка. Ему известны были конституция Никиты Муравьева, главные черты «Русской Правды» Пестеля и Кате хизис с прокла-

мацией, составленные Бестужевым-Рюминым и братом его Сергеем, также речь Бестужева к Славянскому обществу и мнения о необходимости истребить цесаревича. На совещаниях, происходивших в 1823 году в Киеве и Каменке, в 1824 в лагере при Белой Церкви и в 1825 при Лещине он не был, но о суждениях там покуситься на жизнь покойного государя и начать возмущение знал; ему также известно было и о замысле Якубовича. В показаниях своих он был весьма чистосердечен, а в продолжение исследования, мучимый угрызениями совести, впал в отчаяние и хотел уморить себя голодом, но успокоился, будучи убежден кроткими внушениями веры.

По приговору Верховного уголовного суда осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжную работу на 20 лет. Высочайшим же указом 22-го августа поведено оставить его в работе 15 лет, а потом обратить на поселение в Сибири.

МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ, Ипполит Иванов. Прапорщик Квартирмейстерской части.

Был членом Северного общества. При отправлении его по назначению начальства во 2-ю армию Трубецкой дал ему письмо к генерал-майору Орлову, в котором приглашал его сюда. Муравьев на дороге в Москву, узнав о происшествии 14-го декабря, сжег сие письмо и пустился к братьям своим, Сергею и Матвею. Там участвовал в бунте Черниговского пехотного полка и при усмирении оного убит.

По сентенции Военного суда, 12-го июля высочайше конфирмованной, велено прибить имя его к виселице.

5

Приказ главнокомандующего
1-ю армиею от 18 января 1826 года.
Главная квартира,
г. Могилев.

Злодеяние, неслыханное в российском войске, свершилось. Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол, преступник, прежде втайне на гнуснейшие злодеяния посягнувший, отважился укрываться от преследования законов явным возмущением полка. Несколько офицеров, все люди в сердце и душе совершенно испорченные, сделались ему достойные товарищи. Таким образом и некоторые другие офицеры и часть нижних чинов совращены с истинного пути и вовлечены в измену и клятвопреступление. Но мятеж иссяк в своем источнике. Войско, славящееся искони неограниченною любовью и преданностью к государю и престолу, не потерпело изменников: оно окружило их и в порыве ожесточения готовилось истребить их на месте. Но да решит жребий их неумолимый закон с примерною строгостию, соответственной важности преступления.

Для суждения виновных офицеров, участвовавших в мятеже или к оному прикосновенных, учреждается комиссия военного суда в главной квартире армии под председательством начальника 3-й пехотной дивизии генерал-майора Набокова с назначением к производству дела полевого генерал-аудитора 5-го класса Шмакова. Суду сему предаются Черниговского пехотного полка: штабс-капитан барон Соловьев, подпоручик Быстрицкий и прапорщик Мозалевский, яко главнейшие сообщники, закованными в кандалы…

Главнокомандующий генерал-от-инфантерии граф Сакен.

Подписавшись, Сакен темной старческой рукой отодвинул лист и хотел уже крикнуть адъютанта, но не крикнул.

– Вот уж не думал… – тихо сказал он самому себе, – вот уж… на восьмом десятке…

Сакен слишком хорошо помнил, как после сражения под Прейсиш-Эйлау, без малого двадцать лет назад, был он обвинен главнокомандующим Беннигсеном в неподчинении приказу, отставлен от должности, отдан под суд и, пока тянулось следствие, а тянулось оно пять лет, жил в Петербурге в нужде и неизвестности о будущем. Он, тогда уже пятидесятилетний боевой генерал, который на турок ходил, и на поляков при Великой Екатерине, и с Корсаковым в Швейцарии воевал при императоре Павле…

Слава богу, подоспел двенадцатый год, и появилась нужда в генералах, которые воевать умеют, а не доносы писать, и его освободили от следствия по распоряжению государя… Но он хорошо помнил то чувство беспомощности и униженности, с которым жил эти пять лет. Тяжело оправдываться… И что же заставило Муравьева, которого знал он как храброго и дельного офицера, что же заставило его?.. А Пестель? Ему такую карьеру сулили… А Трубецкой? Вот уж загадка!

Он перечитал фамилии – Соловьев, Быстрицкий, Мозалевский… Там, помнится, среди главных зачинщиков был еще один… Генерал пошарил, нашел нужную бумагу – список. Вот он – Сухинов… Который все еще в бегах… Надо же – с девятого года в гусарах, ранен многократно… Герой – и на тебе! Неприятно и непонятно…

Великий князь Николай Павлович. Портрет работы Дж. Доу. 1820-е гг.

6

18 января 1826 года граф Сергей Павлович Потемкин сидел в кабинете своего московского дома на Пречистенке.

Граф был литератором, поэтом, тонким ценителем искусств, и в особенности театра.

Отец его Павел Сергеевич, екатерининский генерал, во время пугачевского мятежа был начальником двух секретных комиссий – казанской и оренбургской, которые расследовали обстоятельства дела. Потом он написал «Историю о Пугачеве». Скончавшись, оставил сыну огромное состояние, которое тот не без изящества проживал. И в конце концов – прожил.

Но в 1826 году Сергей Павлович был еще очень богат.

Граф был женат на одной из первых красавиц эпохи – Елизавете Петровне Трубецкой, родной сестре князя Сергея Петровича. Елизавета Петровна нежно любила брата и от постигшего его несчастья была в безумном горе. Сергей Павлович вполне разделял горе жены. Князя Сергея, умного и благородного, он тоже любил по-братски. Кроме того, ему было обидно и даже как-то унизительно, что брат его жены, можно сказать, его, графа Потемкина, брат, сидит в темном и грязном каземате, в кандалах. Он попробовал представить себя в этом положении, но с брезгливостью отогнал возникшую картину.

И потом, Николай Павлович, конечно, государь, но он всегда был так ограничен и зауряден… Этот генерал, не нюхавший пороху… Полковник Трубецкой дрался при Бородине и прошел Европу до Парижа… И он, граф Потемкин, проделал кампании 1805 и 1807 годов, когда великий князь Николай еще в солдатики играл…

Граф от этих мыслей все больше проникался решимостью. Хоть он и не разделял мечтаний князя Сергея, но уж раз тот попал в такую беду – нужно его выручать…

Он позвал своего камердинера Данилу Бочкова.

Тот явился.

Это был невысокий крепкий человек лет сорока, с очень светлыми волосами и бровями. Глаза у него были совсем прозрачные.

За преданность, ум и силу граф его чрезвычайно ценил, и Бочков всюду графа сопровождал.

– Вот что, Данила, – сказал ему Сергей Павлович, – двадцать лет мы с тобой не расставались, а теперь расстанемся…

Неподвижное бесцветное лицо Бочкова изменилось – на нем обозначились сжавшиеся губы и глаза потеряли прозрачность. Но он ничего не спросил и ждал, что скажет граф дальше.

– Так вот, Данила, – сказал граф, морщась, – мне, брат, и самому не хотелось бы, а надо… ты получишь вольную – ее уже готовят… Все в ближайшие дни сделаем, что полагается по закону… Я тебе денег дам… Запишешься хоть в московские мещане и делом каким-нибудь займешься… Ну, там, промыслом… Одним словом, сам придумаешь… Денег я тебе дам… И так поживешь… А там будет тебе от меня поручение. Тонкое поручение. Полагаюсь на твой ум и преданность, Данила… Вот пока и все. Больше пока ничего тебе не скажу…

– Разве я не понимаю, что у барыни горе, – сказал спокойно Бочков.

– Ну, вот видишь, ты сам все понял… Ну, иди пока, иди…

Когда Бочков вышел, Сергей Павлович посидел немного, встал и пошел в комнаты жены.

7

4 февраля Сухинов отправил из города Дубосары письмо брату Степану, который служил в городе Александрии: «Спешу тебя уведомить, что еще слава Богу жив и здоров и докудова щастлив, но без приюта и места… Пиши ко мне Кишиневской области в город Кишинев, ибо, в случае твоего замедления, что уже может быть и не застанет меня в том месте… Пожалуйста, любезный друг, не можно ли будет выпросить у батюшки хотя рублей 50, или сколько можно будет, ибо ты сам знаешь мое теперешнее положение, что крайне нуждаюсь во всем, что даже остаюсь без дневного пропитания. Пожалейте обо мне. Адрес же ко мне Кишиневской области г. Кишинев. Его благородию мил. гос. И. И. Емельянову».

5 февраля 1826 года Сухинов подъехал на попутной телеге к таможне города Дубосары на реке Днестр. За Днестром лежала Бессарабия. А из Бессарабии за границу уйти было несложно.

В таможне он предъявил свой паспорт, десятский записал его в книгу и кивнул головой. Сухинов шагнул в Бессарабию.

Когда десятского расспрашивали потом – во время следствия – о Сухинове, он описал его так: «Роста высокого, лет около 33-х, лицом смугло-рябоват, волосы на голове темно-русые, глаза черные, говорит пространно, одет в старом черного сукна сертуке, шинеле байковой поношенной верблюжьего цвету, рейтузах черных, обшитых кожею, шапке черной из барашков наподобие крымки или жидовской ермолки. Имел при себе нагольный короткий белых овчин тулуп, войлок небольшой серый, мешок холщовый наподобие торбы».

В Кишиневе он расспросил разных людей о дороге к пограничной реке Прут и способах через нее перебраться. Переходы эти были делом обычным, торговым, и расспросы его никого не удивили.

11 февраля 1826 года стоял он уже на берегу Прута. За рекой была чужая земля. Свобода, скитания… Но уж коль за прошлую суровую свою жизнь не пропал он, так неужто там пропадет? Завербуйся в какую-нибудь армию – и служи себе.

Потом, на этапе, пешком идя в Сибирь, он говорил Соловьеву и Мозалевскому: «Горько было расставаться с родиною, я прощался с Россиею, как с родной матерью, плакал и беспрестанно бросал взоры свои назад, чтобы взглянуть еще раз на русскую землю. Когда я подошел к границе, мне было очень легко переправиться через Прут и быть вне опасности; но, увидя перед собой реку, я остановился… Товарищи, обремененные цепями и брошенные в темницы, представились моему воображению. Какой-то внутренний голос говорил мне: ты будешь свободен, когда их жизнь пройдет среди бедствий и позора. Я почувствовал, что румянец покрыл мои щеки, лицо мое горело, я стыдился намерения спасти себя, я упрекал себя за то, что хочу быть свободным, и возвратился назад в Кишинев».

Недаром же он был другом и – в смысле нравственном – воспитанником Сергея Муравьева-Апостола. Он знал цену чести и благородству.

Где-то будет сидеть в цепях друг его Сергей Иванович, а он будет снова скакать на коне, пить вино, женщин любить? Он будет свободен, а Сергей Иванович – в цепях? Так быть не могло.

Вечером 11 февраля 1826 года Сухинов повернулся спиной к пограничной реке Прут и пошел от нее прочь.

8

11 февраля 1826 года Николай Тургенев шел по улицам Лондона, сильно припадая на хромую ногу. Он припадал на нее сильнее, чем обычно, ибо не следил теперь за своей походкой.

Добротно и спокойно стояли лондонские дома. Спокойно, добродушно и уверенно выглядели горожане, которых он, хромая, обгонял. Он шел быстро. В глазах его стояли слезы.

«Никак мыслей не собрать, – думал он. – Боже мой, что происходит! Неужто мне век жить в чужой земле?.. А отечество, где гибнут люди, которых знал и любил?.. Сергей Трубецкой, боже, боже! Доброта и честность всегда его отличали, и куда судьба привела его? Это в нашем быту так ново и так ужасно. И ведь все были разговоры – кто б мог тогда подумать, к чему все придет… Великий боже, кровь лилась в России за мнения! Что предуготовляется нашей бедной родине?.. А ужасные происшествия на Юге? Гибнут вдруг три брата Муравьевы! Право, не знаешь, что думать. Беды, несчастья, погибель!»

Он почти бежал, стуча тростью по старой лондонской мостовой, а прохожие с любопытством и участием смотрели на него.

«Боже, боже, гибнут люди, которых знал и любил! Мне совестно видеть себя на свободе, когда они в неволе!.. Да ведь там, наверно, захватили уже мои бумаги… дневники… И что будет с моими братьями?»

В этот день, 11 февраля, он получил письмо, сообщавшее, что он и брат его Сергей привлекаются к следствию по делу 14 декабря…

9

30 января 1826 года чиновник Херсонского губернского правления Савоини прибыл в город Александрию для тайного наблюдения за родными Сухинова – не обнаружится ли их связь с беглецом.

12 февраля Савоини перехватил в александрийской почтовой экспедиции письмо Сухинова к брату.

В Кишиневе был объявлен розыск.

15 февраля Сухинова выследили и арестовали.

Его – в кандалах – повезли в Одессу. Оттуда – в Могилев, где располагался штаб 1-й армии.

Декабрист Горбачевский, со слов барона Соловьева, рассказывал: «Обхождение полицейского чиновника было грубо и даже жестоко. Сухинов переносил оное с терпением. Приехав в Житомир, частный пристав остановился в трактире обедать. Сухинов, пользуясь сим, просил позволения отдохнуть несколько времени, представляя ему, что открывшиеся раны и расстройство здоровья лишают его возможности продолжать по-прежнему дорогу. Грубости были ответом на его просьбу. Сухинов, выведенный из терпения и раздраженный жестокостями частного пристава, схватил нож, лежавший на столе, и, бросившись на него, вскричал в бешенстве: «Я тебя, каналья, положу с одного удара, мне один раз отвечать, но твоя смерть послужит примером другим мошенникам, подобным тебе». Испуганный полицейский чиновник упал на колени и, дрожа весь от страха, просил прощения во всех оскорблениях, нанесенных им Сухинову, обещая впредь быть вежливым и делать все, что от него будет зависеть. Частный пристав сдержал свое слово».

Таков был Сухинов даже в тот момент, когда его, закованного, везли на суд.

10

28 декабря 1825 года император Николай сообщал великому князю Константину Павловичу в Варшаву: «Я велел написать Меттерниху, чтоб он принял меры к аресту секретаря государственного совета Николая Тургенева, путешествующего со своими двумя братьями по Италии».

Император ошибался. В то время Тургенев был в Париже, откуда вскоре уехал в Лондон.

В середине февраля 1826 года русский посол при английском дворе граф Ливен в конфиденциальной беседе с британским министром иностранных дел Каннингом просил о выдаче Николая Тургенева России. Каннинг в мягких выражениях объяснил графу Ливену, что сделать это крайне трудно. Понимая всю нелепость просьбы, Каннинг тем не менее не хотел обижать русское правительство резким отказом. В это время он был заинтересован в сближении с Россией. Только при благожелательном отношении нового русского императора Каннинг мог осуществлять свою восточную политику, которая включала, в частности, поддержку восставших против Турции греков.

Но, несмотря на это, он ничего Ливену не обещал.

Русский император не очень склонен был входить в тонкости английской конституционной системы. То, что дружески относящееся к нему английское правительство не может выдать Тургенева и тем оказать ему, императору, личную услугу, – не укладывалось у него в голове. Он вообще не обращал особого внимания на внутреннее устройство и политические традиции стран, с которыми имел дело. Ведь посоветовал же он турецкому султану несколько лет спустя – через турецкого посла – оставить мусульманские заблуждения и перейти в истинную, то есть христианскую, веру.

Однако граф Ливен, сидя в Лондоне, волей-неволей вынужден был считаться с английскими порядками. Поэтому, не возобновляя больше прямых просьб о выдаче преступника, он попытался сперва уговорить английское правительство взять Тургенева под надзор.

27 февраля 1826 года Ливен через помощника Каннинга Планту передал министру иностранных дел конфиденциальное письмо:

«Милостивый государь!

Несмотря на малый успех конфиденциальных представлений, которые по предписанию моего двора я сделал Вашему превосходительству в целях заручиться содействием британского правительства для ареста господина Николая Тургенева, серьезным образом замешанного в заговоре против российского императорского правительства, я считаю тем не менее своим долгом обратить внимание Вашего превосходительства на одно обстоятельство, которое относится к существу моих предшествующих представлений и крайнюю важность которого Ваше превосходительство, без сомнения, оценит.

Только что мне доставлены безусловные доказательства существования преступной переписки между указанным господином Тургеневым и несколькими лицами в Париже, а может быть, и в других местах. Предмет этой переписки и старания, которые принимаются, чтоб скрыть ее, представляются мне настолько усиливающими подозрения, которые уже лежат на этом лице, что я ни на минуту не останавливаюсь перед тем, чтобы поставить Ваше превосходительство в известность об этом обстоятельстве с тем, чтобы возбудить бдительность британского правительства и потребовать от него принятия мер надзора, которые были бы достаточны для раскрытия преступных действий, и тем предупредить ужасные последствия, которые эти действия могут вызвать».

Однако «возбудить бдительность британского правительства» туманными разговорами о «преступной переписке» и «ужасных последствиях» графу Ливену не удалось.

Планта явно не поверил в то, что Николай Тургенев, действительный статский советник, в недавнем прошлом занимавший высокий пост в России, собирается путем переписки ввергнуть Европу в пламя мятежей.

Продержав письмо Ливена у себя в столе три недели, Планта отправил его не Каннингу, а одному из чиновников министерства с запиской: «Дорогой Гобгауз! Будьте так добры рассмотреть это предполагаемое обращение графа Ливена и сообщите мне, может ли оно быть удовлетворено путем соответствующего предписания министра внутренних дел или каким-нибудь другим образом».

Но и Гобгауз не нашел никакого способа удружить графу Ливену.

Письмо в конце концов было представлено Каннингу. Тот подождал, пока русский посол уехал в Петербург, чтобы принять участие в русско-английских переговорах, и на обороте письма начертал резолюцию: «Проекту не было дано хода, так как граф Ливен покинул Англию в настоящее время».

Николай никак не хотел примириться с тем, что Тургенев для него недостижим.

3 марта, беседуя с герцогом Веллингтоном, приехавшим в Петербург для переговоров, Николай снова пугал английское правительство бедами, которые может натворить Тургенев.

Веллингтон добросовестно сообщил об этом разговоре Каннингу. Каннинг опять не испугался.

В начале апреля, принимая верительные грамоты у нового британского посла Странгфорда, Николай совершенно неожиданно заговорил с ним о Тургеневе. Странгфорд писал Каннингу: «Я позволю себе обеспокоить Вас только изложением тех замечаний его императорского величества, которые относились к некоему Тургеневу, серьезно замешанному в недавнем заговоре, которому удалось скрыться в Англии, где он теперь и находится. Император заявил мне, что это лицо в настоящее время является гостем и излюбленным соучастником в делах лорда Голланда, г. Брофэма и (я полагаю) сэра Джона Макинтоша и что он пользуется симпатией и защитой этих господ в качестве страдающего русского патриота.

Император торжественно заявил мне, что ему совершенно безразлично, кто и как принимает это лицо в Англии, но что он считает долгом своей совести предупредить правительство его величества против Тургенева и указать на возможность для Тургенева принести значительный вред, воспользовавшись современным критическим положением с целью распространения революционных идей в тех частях Англии, где ощущается нужда и (как полагает император), может быть, и недовольство».

Николай, очевидно, надеялся повлиять на английское правительство, называя имена покровителей Тургенева. Но, не понимая особенностей страны, о которой шла речь, он добился прямо противоположного.

Упомянутые императором лица были лидерами оппозиции, и Каннинг не мог дать им столь мощное оружие против себя, как неконституционные действия в отношении политического эмигранта. В конце мая 1826 года вопрос был решен окончательно. Англия отказалась выдать Тургенева.

11

Манифест, упразднявший самодержавие, обнаруженный Голицыным в кабинете князя Трубецкого во время обыска, был не единственным трофеем в ту ночь. В ванной комнате княгини Екатерины Трубецкой был найден литографский станок, приобретенный за четыре года до восстания Луниным.

Княгиня Екатерина Ивановна единственная из жен декабристов задолго до 14 декабря знала о тайной деятельности мужа. И не осуждала его.

Она была умна и решительна.

Декабрист Розен вспоминал о ней: «Екатерина Ивановна Трубецкая была не красива лицом, не стройна, среднего росту, но когда заговорит – так что твоя краса и глаза – просто обворожит, спокойным приятным голосом и плавною, умною и доброю речью, так все слушал бы ее. Голос и речь были отпечатком доброго сердца и очень образованного ума от разборчивого чтения, от путешествий и пребывания в чужих краях, от сближения со знаменитостями дипломатии».

Когда ей стало понятно, что мужу не миновать каторги, она решила разделить с ним судьбу его в несчастье, как делила ее в счастье и удаче.

И еще одна мысль была у нее – мысль о побеге мужа.

Она знала, что друг Сергея Николай Тургенев отказался вернуться в Россию на суд. Она знала, что правительство хлопотало о его выдаче, но Англия выдать его отказалась. Стало быть, если оказаться в Англии или Америке, то можно жить безопасно.

Она знала, что сестра Сергея, Лиза Потемкина, думает о том же.

12

Сухинова, Соловьева и Мозалевского судили в Могилеве в марте 1826 года. 30 марта суд вынес им смертный приговор.

10 апреля дело поступило в Аудиторский департамент военного министерства. Аудиторский департамент, по рассмотрении дела и приговора, пришел к следующему мнению: «Соображая все сии обстоятельства с прописанными в сентенции военного суда законами, Аудиторский департамент признает из подсудимых барона Соловьева, Сухинова и Мозалевского, как по злым действиям их главных сообщников возмутителя Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.